

Дарья Калинина

Год Огненного жениха

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Иронический детектив (Эксмо)

Дарья Калинина

Год огненного жениха

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Год огненного жениха / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2017 — (Иронический детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-04-090220-0

С новым гадом, девочки, с новым трупом. Вот почему так получается: только люди сели проводить с родным коллективом старый год, только сняли пробу с оливье, как обязательно из шкафа вываливается труп секретарши, любимый главбух ударяется в бега, а самая честная и незаменимая сотрудница, вместо того чтобы загадать для себя, любимой, долгожданное удачное замужество, обязана гоняться за преступниками до самых новогодних курантов. А как иначе, если народная примета гласит: встретишь Новый год в компании злодея – обязательно выйдешь за него замуж!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090220-0

© Калинина Д. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дарья Калинина

Год огненного жениха

© Калинина Д.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Рабочий день в офисе торговой фирмы «Планктон и т. д.» начался на позитивной и бодрой волне. Все дело было в том, что приближался Новый год, пора исполнения самых сокровенных желаний, вынашиваемых и бережно лелеемых гражданами в течение целого года. Да, чудес в этот праздник случается куда больше, чем во все обычные дни года. С этим каждый, кому хоть раз доводилось праздновать Новый год в России, должен согласиться.

А кроме приближающегося главного праздника года, сегодня была еще и пятница, что само по себе приятно. Но нынешняя пятница являлась не только последним рабочим днем недели, она еще и совпала с последним официальным рабочим днем месяца. И в связи с этим ожидалась выплата ежемесячной премии, что и поднимало дух всех сотрудников поголовно. И если этого кому-то казалось мало, так декабрь еще, в свою очередь, являлся последним месяцем в четвертом квартале, который, в свою очередь, замыкал второе полугодие и целый год труда. Так вот все одно к одному сложилось. И прибавка к заработной плате всем сотрудникам фирмы обещала быть по случаю такого совпадения нешуточная.

Премия ежемесячная, очень даже премило складывалась с премией ежеквартальной, которая еще приятней для сердца и ума суммировалась с премией по случаю успешного окончания целого года. В связи с этими-то тремя совпадениями настроение у всех в то утро в офисе было самое что ни на есть приподнятое. И по мере приближения того заветного часа, когда должен был открыться кабинет бухгалтерии, оно только все поднималось и поднималось.

То и дело слышался чей-то вопросительный голос:

– Это же сколько нам светит получить в этот раз?

И целый хор голосов тут же начинал радостно подсчитывать ожидаемую прибыль.

– Десять процентов, да еще плюс двадцать пять процентов, да плюс пятьдесят – это получается восемьдесят пять.

А если сюда же добавить проценты за владение языком, пусть и маленькие и скромные пять процентиков, но все же и они чего-нибудь да стоят. Также полагались пять процентов за ведение vip-клиентуры. И пять заветных процентов за ведение двух и более крупных клиентов. И если эти процентики сложить с теми, что полагались как премия, то в плюсе получался уже целый оклад. Если учесть, что оклады в «Планктоне» и сами по себе были неплохие, сумма в самом деле получалась приличной.

Разумеется, как всегда и везде, кто-то получал больше, кто-то меньше, но обиженным не оставался никто. Хозяин «Планктона» был добрейшей души человек, в этом мнении сходились все, кто его знал. И все дружно полагали, что уж их Павел Семенович ни о чем не оставит в преддверии праздника кого-то обделенным. Пусть даже это будет ленивый недотепа вроде Пети – грузчика со склада готовой продукции. И пока стрелки часов медленно ползли, приближая заветный час, все в офисе строили планы, как потратят полученные сегодня денежки.

Девочки из отдела по работе с клиентами собирались опустошать полки магазинов и бутиков. Плановый отдел дружно решил уже в этом месяце уйти в отпуск и слетать к морям-океанам, как теплым южным, так и к холодным северным. Сама бухгалтерия, состоящая из замужних почтенных матрон и даже бабушек, собиралась осчастливить своих многочисленных домочадцев большими и малыми презентами, кому-то положенными под новогоднюю елочку, а кому-то врученными в конвертиках.

Но грандиозней всех планы были у Пети Полетаева, того самого грузчика со склада. Последние несколько дней он совсем забыл о своих прямых обязанностях, о которых-то и в лучшие времена вспоминал от раза к разу. Теперь же с ним и вовсе не стало никакого сладу, на работу Петя забил, только и занимался тем, что ходил по офису и хвастался всем подряд:

– Автомобиль себе возьму! «Лада Иксрей»! Первый вазовский внедорожник! Двигатель один и восемь. Автомат не хочу брать, механику беру, с ней мороки меньше. Цвет тоже выбрали – кашемир. Его и мама одобрила. Говорит, немаркий. И главное, что багажник вместительный. Мама говорит, будет где рассаду на дачу возить. Колесная база у машины...

Дальше следовали подробные технические характеристики, которые Петя явно заучивал не один день, потому что вообще-то память у него была плохая. Например, когда нужно было притащить со склада две коробки с консервированной сайрой и одну с кальмарами в масле, он обязательно путал и тащил две с кальмарами, одну с сайрой. А то бывало, что и вообще, вместо сайры тащил салаку, а вместо кальмаров приносил шупальца осьминога в маринаде, а потом еще удивлялся, когда ему указывали на ошибку и говорили, что кальмар и осьминог – это совсем не одно и то же самое. Причем удивлялся он и в первый, и во второй, и в третий, и в сто третий раз. Так что у всех в офисе сложилось твердое мнение, что Петя у них непробиваемый дурак и объяснять ему что-либо себе дороже.

Но с покупкой машины Петя напряг все свои извилины и порадовал окружающих.

Особенно радовался Павел Семенович, их директор и общий любимец.

– Я-то думал, Петя у нас совсем безнадежен. И вдруг, нате вам, пожалуйста, такие способности у парня прорезались. Может, подумать о том, чтобы перевести парня в водители, если уж у него такая тяга к машинам?

И добрый Павел Семенович, который всегда и всех старался продвинуть и поощрить, если человек давал ему для этого хоть малюсенькое основание, сделал Пете предложение о переводе его в водители-экспедиторы.

Но в водители Петя идти не захотел. Это же какая ответственность! И потом иногда нужно было совершать рейсы и в другие города, где желали кушать дары моря. А Петя удаляться далеко от своей мамы и ее котлет с борщом очень не любил. И то, и другое, и третье было одинаково дорого его сердцу. И парень от предложения отказался.

– Спасибо, Павел Семенович, но я уж лучше тут как-нибудь, у вас останусь.

– Петя, я же тебе повышение предлагаю. И потом, наверное, ты не понял, но водитель получает почти в три раза больше грузчика.

– Не надо мне вашего повышения. Я уж лучше туточки при офисе останусь. Тепло, сухо, светло. И к вам я привык, не хочу я по стране мотаться. Не умею я этого.

Вот какой тупица! Счастья своего не понимает. И Петя продолжал таскаться по офису, заваливая всех, кто соглашался его слушать, а потом уже и тех, кто вовсе не соглашался, техническими характеристиками своего будущего автомобиля. За эти месяцы Петя так всем надоел своим автомобилем, что сотрудники ждали очередной премии, с которой Петя собирался заплатить первый платеж за свой автомобиль, едва ли не больше самого Пети.

– Пусть уже купит и угомонится. Сил нет больше слушать про его драндулет!

Когда у Пети не было живых слушателей, он тренировался на предметах, так сказать, неодушевленных. Верочка из отдела логистики утверждала, что однажды видела своими глазами, как Петя рассказывал тушке трески, чем выгодно отличается пятиступенчатая коробка передач от четырехступенчатой. Треске деваться было некуда, она была мороженая, уплыть не могла, поэтому молчала, как и положено молчать рыбе, и, кажется, совершенно удовлетворяла Петю в качестве слушателя.

Надо сказать, что «Планктон» была компанией сравнительно молодой. Возникла фирма на волне санкций, когда стране вдруг срочно потребовалось чем-то заменить норвежскую форель, океанскую рыбку дорадо и прочие морские изыски. Тогда и возникла острая нужда в компаниях, которые бы занимались покупкой улова у наших рыбаков и доставкой его в глубь страны. Товар преимущественно был мороженный или консервированный, со свежей рыбой Павел Семенович пока что не связывался, считая, что полноценно накормить страну в короткие сроки можно пока что только такой продукцией.

– Потом логистику наладим, тогда и свежую охлажденную рыбку людям повезем. А лучше, так рыбу прямо на местах и выращивать. Рыбные фермы – во всем мире давно известная и хорошо зарекомендовавшая себя вещь. Можно и у нас построить, было бы желание у людей и дотации у государства.

Дотации Павел Семенович очень уважал и умел их добывать и использовать с толком. Ни одна живая душа не могла бы сказать, чтобы «Планктон» под руководством Павла Семеновича упустил бы хоть копейку из отпущенных казной денег. Истрачено и освоено было все до последнего рублика. Но зато и бизнес у Павла Семеновича плавно развивался и шел в гору, а у многих его конкурентов рушился.

Все знали, что в «Планктоне» регулярно выписываются сотрудникам премии и выдаются бонусы, а в «Треске и компании» понижение заработной платы чуть ли не вдвое уже третий раз за год. «Смелая килька» еще как-то держится, а вот «Волдырь на шпроте» близка к банкротству, потому что раз за разом целые партии товара прибывали в некондиционном состоянии.

– И ладно бы они испорченный товар списали в убытки, нет, пустили его в продажу. Говорят, что не знали. Врут! Конечно, все знали, но не хотели признать товар испорченным.

Допустим, в продажу попала не вся партия. Но часть испорченного товара до прилавков точно дошла. И люди купили. И принялись. И возмутились. Дело дошло до суда, и теперь «Шпрота» не знает, куда деваться от многомиллионных судебных исков.

В общем, коллектив компании был готов молиться на своего Павла Семеновича, который, словно опытная акула, плавал в волнах отечественного бизнеса, распугивая вокруг себя мелкую рыбешку и поглощая более крупную. Но сотрудникам в подавляющем большинстве не было до этого никакого дела. Они-то плыли под боком у этой самой акулы и поэтому чувствовали себя полностью ею защищенными. Такое вот очень удобное и уютное путешествие получалось. И все сотрудники держались за свои рабочие места.

К трем часам дня пятницы, когда бухгалтерия обычно начинала выдавать деньги, терпение у всех было уже на исходе.

– Господи, да скорей бы уж деньги начали выдавать!

– Сил нет дольше терпеть.

– И что они так тянут?

Надо сказать, что зарплата перечислялась сотрудникам, как и полагается в приличных местах, на пластиковую карточку. О данных перечислениях всем уже к полудню пришло уведомление на телефон. Но вот всякого рода премии, проценты и все такое выдавались лично на руки сотрудникам. Почему так происходило? Ну, этому у Павла Семеновича могло быть объяснение, вот только спрашивать его ни у кого в голову не приходило. Все с удовольствием расписывались по старинке и получали приятно шуршащие бумажки.

– И кто выдумал, что электронные деньги – это благо?

– Нет, и не может быть ничего лучше новенькой хрустящей банкноты.

И вот сегодня, в этот знаменательный день, когда сотрудники должны были быть очастливлены и обанкочены всем дружным коллективом, случилось непредвиденное. Когда нетерпение достигло апогея, из бухгалтерии показалась Мария Федоровна, которая обычно занималась выдачей денег. Но на сей раз вместо заветной ведомости, в которой против фамилий сотрудников были проставлены те или иные суммы, где с четырьмя нулями, а где и с пятью, в руках у Марии Федоровны был платочек, который она судорожно комкала. И судя по состоянию этого платочка, ему уже и так досталось изрядно.

Но не платочек привлек к себе внимание сотрудников, а сама Мария Федоровна, которую трясло и пошатывало. Лицо у Марии Федоровны также не вызывало оптимизма. Оно было несчастное и бледное. Она пронеслась через весь офис, не обращая внимания на обращенные к ней возгласы сотрудников, и стремительно скрылась за дверями кабинета директора.

Весь офис замер в ожидании неминуемой катастрофы, приближение которой каждый невольно почувствовал. Какое-то время ничего не происходило.

А затем голос Павла Семеновича громко воскликнул:

– Нет! Маша, это какая-то ошибка!

В ответ раздался плач Марии Федоровны и ее сдавленный лепет.

– Я не верю! – прокричал Павел Семенович. – Маша, этого просто не может быть!

Мария Федоровна снова что-то залепетала. А Павел Семенович вопил во всю мощь своих легких:

– Только не здесь! Только не у меня!

Теперь в его голосе было слышно что-то похожее на отчаяние, отчего все сотрудники буквально похолодели. Затем произошло нечто и вовсе жуткое. Павел Семенович выскочил из своего кабинета БЕЗ ПИДЖАКА! В одной рубашке и галстуке. В таком виде он пронесся в направлении, обратном тому, которое только что проделала Мария Федоровна, и скрылся за дверями бухгалтерии.

Уже вовсю рыдающая Мария Федоровна просеменила следом за директором, но была перехвачена сотрудниками. Ее взяли в плотное кольцо, так что ей было не вырваться.

– Что случилось?

– Маша, умоляю, у меня сердце, ты же знаешь, мне нельзя волноваться. Скажи прямо, что происходит?

– Да! Почему Павел Семенович без пиджака?

Последний вопрос был задан не без умысла. И надо было знать любовь Павла Семеновича всегда и всюду выглядеть безукоризненно и прямо-таки идеально, чтобы понять сейчас тревожное состояние сотрудников, в которое их повергла пусть и безупречно чистая, идеально отглаженная, но РУБАШКА их начальника! Никогда раньше им не доводилось лицезреть не то что спину этого изделия, но даже его переднюю часть. Рубашка Павла Семеновича всегда и при любых обстоятельствах была прикрыта пиджачной парой. И если уж Павел Семенович снимал пиджак, то жилетка всегда оставалась на нем. Без жилетки он позволял себе оставаться лишь наедине с самим собой. И вот сейчас он выскочил из своего кабинета, даже забыв про жилетку, в одной рубашке, все равно что голый. Сотрудники «Планктона» были потрясены.

– Мария Федоровна, что же это такое?

Мария Федоровна сделала несчастные глаза и прошептала:

– Кража!

Все ахнули. А потом по рядам понеслось:

– Кража! Кража!

И кто-то спросил:

– Но что украли?

– А что могут украсть! Деньги, разумеется. Мы с Еленой Васильевной сейчас открыли сейф, чтобы начать выдачу, а там пусто! Ни копеечки! Ни бумажки! Сейф вычистили дочиста!

И рыдая, она устремилась обратно в бухгалтерию. А новость полетела порхать по офисным помещениям. Добралась она и до Пети, который давно уже кружил по офису в ожидании премии. И когда ему сообщили о краже, парень возмутился:

– Это что же? Денег сегодня не будет?

– Да.

– А почему?

– Их украли.

– Кто? Кто посмел их украсть? – окончательно разозлился Петя. – Мне автомобиль сегодня ехать выкупать. Я с дилером уже обо всем договорился. Цвет кашемир. Двигатель один и восемь. Меня там ждут!

Но несмотря на возмущение Пети, остальные сотрудники в первую очередь задумались не о собственных порушившихся на сегодняшний вечер планах, а кое о чем более серьезном.

- Кто же мог украсть?
- Только свои!
- У нас завелся вор!
- Чужие у нас в бухгалтерию не заходят.

Честно говоря, и свои в бухгалтерию не очень-то заходили. Не допускались в этой святой святых ни чаепития, ни досужие сплетни. Если по делу нужно, зайти, но не задерживайся и по сторонам не глазей. А лучше так скромненько постои у порога.

При всей своей доброте не любил Павел Семенович, чтобы лишние люди совали свои любопытные носы в его бумаги. Из доверенных лиц, которым разрешалось бывать в бухгалтерии в любое время, были сами бухгалтерши, в числе двух дам, работавших в «Планктоне» с самого первого дня. И их помощница калькуляторщица – несчастная Мария Федоровна, которой выпала нелегкая участь сообщить хозяину о случившемся.

Кроме этих персон, которым полагалось находиться в бухгалтерии по долгу службы, туда невозбранно могли заходить еще двое. Сам Павел Семенович и его личная помощница Лизочка, которая в отсутствие директора передавала все его распоряжения и немножко воображала себя им самим. Появилась Лизочка в «Планктоне» пару месяцев назад. Но вела себя так, словно была тут старожилом из старожилов. По этой причине Лизочку в «Планктоне» никто не любил.

Хотя на вид девушка была хороша. Высокая, стройная, с длинными волосами, которые падали на ее плечи безупречными прядями. А глаза! Огромные, какого-то удивительного фисташкового оттенка. Эти глаза привлекали к себе взгляд любого, кто хоть немного разбирался в тайне женских глаз. Однако при всей своей привлекательной внешности Лизочка была вреднючка. Всех поучала, всем делала замечания, а стоило что-то ей возразить, бежала жаловаться к Павлу Семеновичу.

И когда стали гадать, кто же мог подстроить кражу, как-то сами собой подозрения стали подползать именно к Лизочке. И что интересно, никаких прямых улик или доказательств не наблюдалось, одни только личные ощущения. Но думали все равно на Лизочку.

- Она у нас без году неделя работает, а уже гонору на грузовике не вывезешь!
- Противная, вечно нос задрав ходит.
- Задавака, каких мало. С ее приходом и Павел Семенович другим стал. Отстраненный такой.

- Лизочка новенькая, все остальные у нас подолгу работают.
- Она последней пришла, и бац! Кража!

Больше всех разволновались Верочка с Любочкой. Работали они в «Планктоне» с момента его основания, уже три года, так что успели сдружиться. Теперь, уединившись в дамской комнате, единственном помещении, где не было камер видеонаблюдения, они взволнованно обсуждали кражу.

- Все думают на Лизу!
- А что ты хочешь? Это ее рук дело и есть.
- Почему?
- А кто у нас постоянно ноет, что ей денег не хватает?
- Ну... Лизочка.
- То-то и оно. Видать, посчитала, что мало ей Павел Семенович платит. Вот и решила пощипать его самостоятельно.
- Мало! Да она больше нас с тобой, вместе взятых, получает!
- Спрашивается, только за что!

– А он ей как верит! Сколько раз ему говорили, что Лизочка еще та пройдоха, всюду свой нос сует, а он не верит!

– Еще бы! Ночная кукушка дневную всегда перекукует.

– Думаешь, она его любовница? – поразила Верочка.

– А то ты не видела, как он по утрам ее на своем автомобиле подвозит?

– Нет, не видела.

– Это потому, что он ее за углом высаживает. А как-то шла и видела, как они нежненько так друг с другом прощались. Целовались даже.

– Целовались!

Вера была поражена. У нее даже пухлая верхняя губка задрожала. Хорошенькая, беленькая и пухленькая Верочка вообще была девушкой впечатлительной. Могла при удобном случае и в обморок упасть. Верочка носила длинную косу, в которую прятала свои золотистые кудряшки, так что и не догадаешься, что они выются. В такой прическе волосы курчавились только на висках, что было предметом постоянных огорчений для Верочки. Как она их ни приглаживала, как ни распрямляла, они все равно предательски выбивались из строгой симметрии, к которой их пыталась призвать хозяйка.

– Но ведь Павел Семенович женат! – вырвалось у нее.

– И что? Жена не стенка, можно ее и подвинуть.

– Но... но это же гадко! Зачем он это?

Люба с сочувствием посмотрела на свою подругу. И чего Верочка так разволновалась? Сама Любочка была девушкой мыслящей более трезво. И сейчас она думала о том, когда Верочка спустится с небес на землю? Когда наконец поймет, что люди зачастую совершают очень разные по степени гадости поступки. Из какого века родом Верочка? Из восемнадцатого? Да и тогда мужья изменяли женам. И в каменном веке изменяли. И до того. Так почему Верочка сейчас так удивляется, что молодежово выглядящий директор преуспевающей компании завел себе на службе молоденькую любовницу?

– Ты же видела супругу нашего Павла Семеновича, – снисходительно принялась она объяснять Верочке. – Она к нам приходила несколько раз.

– Да. Видела.

Отвечала Верочка словно бы через силу. И Любочка продолжила свои объяснения.

– Жена у Павла Семеновича толстая, выглядит на добрых десять лет старше его самого. Он-то подвижный, молодежовый. И какие у этой матроны разговоры! Про то, как домашнее хозяйство вести, цветоводство да внуков. Разве сравнишь ее с веселушкой Лизочкой? Когда той это надо, она может быть очень милой. Неудивительно, что Павел Семенович не устоял против ее чар.

И Люба самодовольно взглянула на свое отражение в зеркале. Вот как четко она все разложила по полочкам. Из зеркала на Любу смотрела невысокая шатенка с каре на густых волосах, с умным и тонким лицом. Такие лица с выразительными ясными глазами пользовались популярностью у художников конца восемнадцатого века, что Люба частенько подчеркивала в разговоре с потенциальным кавалером. Она-то надеялась возвысить себя в его глазах, добавить себе очков, но, наоборот, отпугивала его тем самым. Кавалеров Люба просто пугала своей образованностью.

Но на подругу Люба смотрела почти нежно. Она не сомневалась, что теперь-то у Верочки в голове все прояснится. Но глупенькая Верочка все равно не унималась и продолжала кудахтать о супружеской верности, долге и тому подобных глупостях, о которых и упоминать-то нечего современному человеку.

– Я замечала, что между ними есть какие-то особые отношения. Они часто уединялись в кабинете Павла Семеновича. И двери закрывали очень плотно. Я это много раз видела.

– Вот и ты это видела!

- Но они же могли что-то там обсуждать.
- Что может обсуждать мужчина и молодая привлекательная девушка?
- Производственный процесс.

Любочка уставилась на подругу с долей некоторого возмущения. После того как Любочка так хорошо все объяснила Верочке, просто верх неблагодарности упорствовать в своем мнении.

Но Верочка по какой-то причине стояла на своей версии.

– И я хочу верить, что ты ошибаешься насчет Лизы и Павла Семеновича, – подвела итог Верочка. – Потому что иначе это будет... И я должна буду принять меры.

– Какие меры? – встревожилась Люба. – О чем ты?

Но Верочка не пожелала ответить. Она все еще выглядела такой же потрясенной, как и в тот момент, когда услышала новость о Лизе и их начальнике. Да, Верочка не притворялась. Совсем не притворялась. Потому что, услышав от подруги новость, даже на время забыла о случившейся у них в офисе краже.

Любе пришлось вернуть подругу к реальности.

– Подумаешь, большое дело, – сказала она подруге, уже и сама чуточку встревоженная той реакцией, которую ей выдала Верочка. – Ну, завел мужик себе молоденькую любовницу, что с того? У многих любовницы есть. А права законных жен никак при этом не ущемляются. Проведет мужик часок-другой с молоденькой подружкой, а потом назад под сень родного очага. Совсем не факт, что у Павла Семеновича с Лизочкой все так уж серьезно.

Верочка в ответ застонала:

- Нет, ты не понимаешь.
- Чего я не понимаю? – спросила Люба, начиная терять терпение.
- Я должна сказать об... об этом.
- Кому сказать? Жене? Даже не думай! Помни поговорку: «Доносчику первый кнут»!
- Нет, к Вере Михайловне я с таким разговором и не решусь сунуться. Скажу родителям!
- Чьим?
- Своим.
- А им-то это с какого боку может быть интересно? – изумилась Люба. – Они разве знают Павла Семеновича?

– Ну а как, ты думаешь, я попала на работу в «Планктон»?

– Что? Ты пришла по знакомству?

– Мой папа и Павел Семенович когда-то работали вместе. Вот папа и попросил меня взять. Павел Семенович как раз набирал штат, он сказал, что в любом случае взял бы меня.

– Но мы же с тобой на одинаковых должностях! – невольно рассмеялась Любочка. – И оклад у нас одинаковый.

– И что?

– По знакомству Павел Семенович мог бы пристроить тебя и получше. Например, сделал бы тебя своей помощницей. А то что это за место, отдел логистики? Меня-то он взял туда без всякого блага.

Но Верочка лишь отмахнулась.

– Какая уж теперь разница. Ты мне про эту Лизу сказала, я теперь сама не своя. И сказать – плохо. И промолчать – тоже плохо. Что сделать?

– Ничего не делай, – посоветовала ей Любочка. – Само как-нибудь решится. А что касается пропавших денег, то я тоже думаю на Лизу. Я сама видела, как Лиза сегодня с утра трижды заходила в бухгалтерию.

– И что? Хочешь сказать, она их взяла?

– Да.

– А что, уже известно, когда именно пропали деньги?

– Нетрудно подсчитать, – пожала плечами Люба. – Их привезли в двенадцать дня. Это ни для кого не секрет, все видели инкассатора. Мария Федоровна открыла сейф в три. Значит, в этом промежутке деньги и тю-тю! Испарились.

– Тогда легко будет проверить, кто в это время заходил в бухгалтерию.

Верочка от радости, что так все легко и просто решилось, даже в ладоши захлопала.

И уже выходя из уборной, Любочка высокомерно произнесла:

– В офисе всюду камеры, не понимаю, на что рассчитывал вор!

А Верочка радостно засмеялась.

Глава 2

Но оказалось, что все не так просто. Об этом подругам и рассказала Мария Федоровна, заглянувшая к ним выпить чайку с конфеткой. Она уже немного успокоилась, но все равно еще нервно вибрировала. И для полного успокоения ей было нужно закинуть в организм рекордную дозу сладкого.

– Больше сахару клади, больше, – твердила она, пока Верочка кидала ей в кружку один кусок за другим. – Еще больше!

– Уже пять кусков. Конечно, сахар тростниковый, но вряд ли он так уж полезен, чтобы есть его в таком количестве?

– Верочка, ты чего? При чем тут какая-то польза? – простонала Мария Федоровна. – Мне сейчас нервы нужно успокоить. А от нервов мне только сладкое и помогает.

Она и впрямь не успокоилась, пока Верочка не утопила в чашке седьмой кусок сахара. Только после этого Мария Федоровна взяла кружку, тщательно размешала, положила в рот шоколадную конфету, откусила кусок шоколадного тортика, отхлебнула, зажмурилась и... и после этого начала наконец рассказывать, что же произошло сегодня в офисе.

– Ночью дело произошло.

– Как ночью? Разве деньги были в сейфе всю ночь? А как же сегодняшние инкассаторы? Зачем они приезжали?

– Основную-то сумму мы еще вчера около четырех часов вечера получили. Не хватало каких-нибудь двадцати тысяч, их сегодня около полудня и довели.

Но что такое по нынешним временам двадцать тысяч? Ради них даже не стали открывать сейф. Главная бухгалтер Эмма Леонидовна просто кинула эту жалкую двадцатку в ящик своего стола.

– Эти деньги и сейчас там валяются. Никто их не тронул. Можно взять. Но основная сумма! Она пропала!

Люба нахмурилась. Получалось, что время, когда мог быть ограблен сейф, увеличивалось многократно и с жалких трех часов растягивалось чуть ли не до суток. Это здорово усложняло задачу установления личности грабителя. Но Любочка не теряла веры в свои силы.

– А кто сегодня мог подойти к сейфу?

– Сегодня никто. Мы с девочками постоянно были в кабинете. Ни разу не было такого, чтобы мы все одновременно бы вышли из бухгалтерии.

Вера с Любой и остальные, присутствующие при разговоре, с пониманием кивнули. Да, так в бухгалтерии было заведено: кабинет никогда не оставался без присмотра. У всех на памяти был случай, когда за подобный проступок была уволена милая Оленька. И какая же была ее вина? Всего-навсего, выскочив по какой-то надобности, девушка оставила кабинет не запертым. Регулярно просматривающий записи начальник охраны выявил эту оплошность девушки, и увольнение незадачливой помощницы бухгалтера было громким.

И напрасно Оленька уверяла, что против нее было сфабриковано дело. Дескать, она отказала Жене – Евгению Петровичу, начальнику охраны в нежной привязанности, попросту послала его, когда тот полез к ней с поцелуями. А тот, разобидевшись, пообещал отомстить. И отомстил!

– Мне на телефон поступил звонок, что моя мама лежит у проходной, она без сознания, нужна срочная госпитализация. Она и впрямь собиралась ко мне зайти в обеденный перерыв, мы договаривались пройтись по магазинам, присмотреть мне свадебное платье. И я поверила! Испугалась. Прибежала. А на проходной на меня посмотрели как на дурочку. Никакой женщины к ним не приносили и не приводили. Мне еще сказали, что тут не госпиталь.

Тогда Оленька опрометью метнулась назад. Но было уже поздно. В кабинете сидела главная бухгалтер Эмма Леонидовна и смотрела на Олю ТАКИМИ глазами.

– Я обязана уведомить руководство о твоем проступке. Понимаешь? Обязана!

Оленька забормотала слова оправдания, и Эмма Леонидовна смягчилась.

– Но чтобы это было в первый и последний раз. Поняла?

Оленька поклялась, что все поняла, но через пару часов скандал все-таки разразился. Задело и добросердечную Эмму Леонидовну, которая поклялась, что отныне никому не станет делать поблажек, даже если сотруднику придется похоронить разом всех своих родственников. Только это, а еще многолетняя дружба с самим Павлом Семеновичем и спасли главного бухгалтера от увольнения. А вот Оленька такими связями похвастаться не могла. Ее уволили. И это помогло. Больше ни один сотрудник бухгалтерии не решался оставить свое рабочее место таким образом.

– Так что в кабинете все время кто-то был.

– А кто открывал утром дверь?

– Я и открывала. Эмма Леонидовна после меня пришла.

– И вам с ней ничего не показалось подозрительным?

– Мне нет. А она сказала, что в помещении был какой-то странный запах. Эмма Леонидовна даже открыла окно, чтобы проветрить комнату. И верно, когда я принялась, то уловила запах. Он еще ощущался, но уже совсем слабо.

– А что это был за запах?

– Пахло чем-то горелым. И поэтому мы думаем, что преступление было совершено ночью.

– Из-за того, что пахло горелым?

– Из-за того, что поздно вечером сработала пожарная сигнализация. Потом еще раз, и еще. Приезжали пожарные. Кабинеты осматривали, открывали и закрывали. Пожарные долго не могли найти источник возгорания, хотя запах дыма и горелой резины чувствовали все. Пожарные потребовали обесточить помещения, опасались, что может тлеть проводка. Они провозились еще почти целый час, пока не установили, что опасности больше нет. Но, по словам Евгения, он пришел, как всегда, раньше всех, запах чего-то горелого во всем офисе чувствовался до самого утра. Он открыл окна всюду за исключением бухгалтерии. Туда-то без ключа не попасть. Так что когда утром люди пришли на работу, уже нигде не пахло, только у нас.

– Может, это пожарные украли деньги?

Но Мария Федоровна считала, что это сделали те, кто воспользовался мнимым или реальным возгоранием как отвлекающим маневром.

– Пришли, подожгли, а пока была суматоха, ограбили сейф!

– Но были бы следы взлома!

– Значит, такие воры приходили, что все аккуратно сделали.

Фраза эта прозвучала весьма многозначительно и даже угрожающе. Но это было еще не все.

– Евгений обмолвился, что, когда он открывал окна, одно из окон первого этажа уже было открыто. Знаете, то, что выходит во двор.

Девушки знали, о каком окне идет речь. Офис «Планктона» располагался в угловой пристройке к большому бизнес-центру. Пристройка была двухэтажной, но зато имела собственный вход. Она примыкала к основному зданию одной своей стеной, вторая ее стена была уже общей с соседним жилым домом. Эти стены оконных проемов не имели. Две другие стены выходили, соответственно, окнами на оживленную городскую улицу и в тихий двор, который почти всегда оставался безлюдным. Арендодатели, которым принадлежал этот двор вместе со

зданием, часто сменялись и в лучшие времена, а с тех пор, как полгода назад выехали последние, желающих что-то не находилось. И двор был пуст.

– Что оттуда можно было ночью влезть к нам через то окошко, что потом выйти уже с деньгами. Сигнализацию-то в офисе вместе со светом тоже выключили.

Девушки уже подсчитали, что в сейфе должно было находиться от трех до пяти миллионов рублей. Мария Федоровна подтвердила, что ближе к пяти. И сумма-то по нынешним временам не очень чтобы велика.

– Стоит ли ради таких денег затевать суматоху? Это ведь не шуточки, подстроить возгорание, пробраться незамеченными в офис. Да еще нельзя быть уверенным, что пожарные потребуют отключить электричество и система видеонаблюдения тоже окажется выключенной. А если нет? А если поймают? Ведь тогда все, тюрьма. И вся эта суета из-за трех миллионов рублей? В лучшем случае, пяти?

– Для некоторых безработных грабителей это очень даже приличная сумма.

– Но в сейфе денег могло не оказаться вовсе! Обычно деньги заказывают накануне выплаты, а привозят день в день или даже час в час. А тут и деньги почему-то остались на ночь в офисе. И пожалуйста, грабители в эту же ночь к нам и пожаловали. Совпадение?

Вряд ли. Кто-то должен был дать им наводку. Кто-то, кто знал о том, что деньги в сейфе есть. И таких людей оказывалось снова пятеро. Трое дам из бухгалтерии, Павел Семенович и его помощница.

Но Любочка все равно считала, что денег слишком мало, чтобы кто-то из этой пятерки стал бы ради них подставляться.

– Одно из двух! Либо денег в сейфе было больше, чем мы думаем. Либо... Либо главным тут были не деньги, а что-то другое.

– Что же?

– Если бы знать!

И обе подруги вздохнули. Мария Федоровна положила себе еще кусок тортика и тоже печально вздохнула. Уходить от подруг ей обратно в офис решительно не хотелось. Оно и понятно. В офисе было беспокойно. В воздухе носилось подозрение. От утреннего приподнятого настроения не осталось и следа. Все ходили мрачные, озабоченные и злые. Совсем не та атмосфера, которая была нужна расшатанным нервам Марии Федоровны.

Но и людей тоже можно было понять. Мало того, что выплата премии откладывалась неопределенное время, это можно было бы еще потерпеть. В конце концов, зарплата была у всех на карточках. Но откладывалась и сама возможность потратить даже эти деньги. Потому что из-за случившегося ограбления вызвали полицию, и всем сотрудникам было велено оставаться на своих рабочих местах. И теперь люди с потерянными лицами блуждали по офису, переживали и не хотели обращать внимания ни на то, что пятница, ни на то, что короткий день. И думали лишь о том, что у многих срывались их встречи и договоренности.

Например, Любочка с Верочкой забронировали себе столик в ресторане, от которого им теперь пришлось отказаться. Также пришлось и другим сотрудникам пожертвовать своим вечером пятницы. А ради чего?

И Любочка, налив Марии Федоровне еще кружечку и щедро вбухав туда остатки сахара из порядком опустевшей коробки, провокационным голосом спросила у нее:

– Может быть, в сейфе лежало что-то еще? Кроме денег?

Мария Федоровна нахмурила лоб и принялась вспоминать. Выяснилось, что там еще лежал фотоаппарат, который положила Эмма Леонидовна по просьбе своего сына. Фотоаппарат был цифровым, с очень дорогой оптикой, стоил он неслыханную сумму, так что держать технику дома, куда приехали родственники невесты из села с детьми общим числом пять человек, сын просто опасался. Привез фотокамеру к матери и слезно просил оставить до лучших времен у себя.

– Почему же Эмма Леонидовна не забрала фотокамеру к себе домой?

– Так она тяжеленная. И дорогая. И хрупкая. Туда-сюда в транспорте таскать – еще разобьешь или повредишь. Машины у Эммы нет. А такси заказывать – это лишние расходы.

Эмма Леонидовна лишних расходов не любила. Ни своих, ни чужих. Можно сказать, они ее огорчали, и она старалась всеми силами их избегать. И главным образом благодаря этой особенности главного бухгалтера Павел Семенович не только не вылетел в трубу, а, напротив, преуспевал.

– Ему бы дай волю, он все деньги потратил бы на подарки, премии и развлечения, – ворчала Эмма Леонидовна, скрупулезно урезая бюджет очередного корпоратива и вычеркивая название дорогого клуба, заменяя его на более скромное и демократичное.

Также Эмма Леонидовна поступила и с расходами, которые планировал Павел Семенович к этому Новому году.

– Так, что вы тут придумали? Покажите-ка мне программу!

Потом Эмма Леонидовна пункт за пунктом перерабатывала список, который в итоге становился мало похож на себя первоначального. Она убирала из списка известных исполнителей и заменяла их новичками, еще не привыкшими к раздутым гонорарам и частенько довольствующимися оплатой рыбой и консервами за свои выступления. В бизнесе Эмма Леонидовна действовала еще жестче. Обидеть кого-то она не боялась и лично отказывалась от услуг компаний-грузоперевозчиков, которые предлагали свои услуги по несколько завышенным ценам, и не желала ничего слушать о том, что хозяин этой компании когда-то учился вместе с Павлом Семеновичем в одной школе. Она без всякой жалости добивалась отказа от сотрудничества с одним рыбоперерабатывающим заводом, потому что выяснила – у его конкурентов можно приобрести аналогичную продукцию на один рубль дешевле.

– Эмма, стоит ли ради одного рубля за банку обижать хорошего человека и отказываться от его услуг?

– Копейка рубль бережет, а рубль – сотню. Дело не в деньгах, дело в принципе. Если можно купить дешевле, зачем платить дороже?

И к своим собственным нуждам и тратам Эмма Леонидовна подходила с той же позиции. Если возможно было где-то не заплатить и не потратить, она не платила и не тратила. Тащить дорогую технику к себе домой ей показалось неразумной тратой сил и средств. Куда проще было положить ее в рабочий сейф, который был в ее полном распоряжении. И вот эту фотокамеру грабители почему-то не тронули, но зато из сейфа исчезли все флешки и карты памяти, которые Эмма Леонидовна покупала для своих бухгалтерских нужд, что было воспринято главным бухгалтером как личное оскорбление. Их утрату Эмма Леонидовна восприняла тяжелей всего.

– Двенадцать носителей, – причитала она. – Каждый стоит не меньше тысячи. Бедный Павел Семенович не заслужил еще и этой потери. Я даже не знаю, как ему сообщить о пропаже накопителей.

Напрасно все сотрудники утешали Эмму Леонидовну, что по сравнению с исчезнувшей многомиллионной суммой пропажа грошовых флешек – это сущая ерунда, вряд ли она так уж сильно огорчит директора.

– И вообще, было бы хуже, укради воры камеру вашего сына, – сказал наконец кто-то.

Бухгалтер оставалась безутешна.

– Пропала бы камера, я бы ее и оплакивала. Но пропали карты памяти и флешки, о них идет сейчас речь! Они дорого стоят! Ах, почему я не взяла их домой. Ведь была у меня такая мысль.

– Правда? А почему?

Идея унести флешки, на которых хранились бухгалтерские отчеты, нужные в работе, но при этом оставить в сейфе дорогой фотоаппарат, показалась девушкам довольно странной. Но сама Эмма Леонидовна так не думала.

– Надо было взять эти флешки вместе с теми, которые прилагались к камере сына! Ведь мелькнула же у меня такая мысль, когда я убирала в сумку флешки сына, взять с собой еще и эти. Хотела так сделать, но не сделала. И почему? Подумала, ну, чего я буду их туда-сюда таскать, никогда так не делала, зачем сейчас делать? И не сделала. Подумала, а не сделала. Сам ангел-хранитель мою руку в своей тогда держал, но я его не послушалась.

Итак, получалось, что, кроме денег и карты памяти, из сейфа ничего не пропало, хотя там находились те самые документы, которые Павел Семенович не любил показывать никому постороннему. Но они грабителей не заинтересовали, что принесло директору немалое облегчение. У него состоялся обстоятельный разговор с Эммой Леонидовной о том, что за информация хранилась на украденных флешках и картах памяти. Понять что-либо было затруднительно, разговор велся за закрытыми дверями и был таким секретным, что даже Лизочка не была допущена. Павел Семенович вышел к сотрудникам с непроницаемым лицом, но пообещал, что без премии в этом году никто не останется.

– Отправляйтесь и проведите уик-энд так же, как если бы эти деньги уже были у вас. То, что вы их получите после выходных, так же верно, как и то, что я ваш любимый начальник.

Но эту рекомендацию оказалось не так-то просто воплотить в жизнь. У выхода всех сотрудников «Планктона» подстерегал полицейский со стопкой бумаг, который требовал от всех и каждого подробно описать, кто чем занимался минувшей ночью, когда из сейфа предположительно и исчезли деньги.

– Нашим алиби интересуетесь? – ехидно спросил кто-то.

Но полицейские не утратили своей невозмутимости.

– Не только вашим, а вообще всех сотрудников алиби будем проверять.

Для незамужних Любы и Верочки такой отчет не являлся проблемой, они честно написали, что были дома, каждая со своей семьей, и указали их имена, фамилии и номера телефонов, как и было им сказано. А вот многие, как заметили девушки, мялись и мешкали, явно колеблясь, говорить правду или нет. С одной стороны, если солгать, можно оказаться в числе подозреваемых. А с другой, если сказать правду, не окажется ли это еще хуже? Ведь потеря репутации – это вам не шуточки.

Забавно было наблюдать за терзаниями Гали и Полины, которые никак не могли вспомнить имен тех двух армян, с которыми провели вечер и ночь. Девушки еще утром похвастались, что ночь была незабываемая. Но оказалось, что забыть из нее они умудрились чуть ли не самое важное – имена своих бойфрендов. В конце концов, девушки просто оставили номера телефонов своих кавалеров, причем обе присовокупили, чтобы следователи звонили днем, в рабочее время, только так есть шанс, что женатые кавалеры скажут им правду насчет бурной ночи.

– Если сейчас им позвоните, они оба будут с женами и семьями, станут утверждать, что нас знать не знают.

Полицейские пообещали это учесть, но Люба заметила, как против Гали и Полины полицейский в списке поставил жирные галочки. К удивлению подруг, затруднение с алиби возникло и у Эммы Леонидовны.

– Живу я одна. Гостей не принимаю, не люблю их. Принимаю иногда только сына, но его прошлым вечером у меня дома не было. Так что получается, что алиби у меня нет.

– Может быть, вы с кем-то общались?

– Общалась. В сети была. По сайтам лазила.

Против Эммы Леонидовны полицейский тоже поставил галочку, но такую нежирную и слабую. Даже у него не хватило фантазии, чтобы представить, как дородная дама шарит по ночам в бухгалтерии. И зачем ей? Она могла спокойно присвоить деньги и днем без всей

этой шумихи, пожарных и прочей суеты. Положила бы их себе в сумочку да и ушла. Никто бы не осмелился ее остановить для досмотра.

Единственный, кого задержали полицейские, был начальник охраны Евгений. Именно он согласился на требование пожарных отключить электричество во избежание новых попыток срабатывания сигнализации. Этот поступок вызвал у полиции законное подозрение. И несмотря на все попытки Евгения объяснить, что приехавшие в третий раз за ночь на ложный вызов по одному и тому же адресу вконец обозлившиеся пожарные пообещали в следующий раз Евгения просто поколотить, полицейские все же задержали мужика.

Лучше всех дело с алиби обстояло у Пети. Он так и заявил, что его алиби никто не переплюнет.

– Помяните мое слово, сейчас нас всех дергать начнут. А я не при делах. Мало моих родителей – отца с матерью да бабки, которая постоянно у нас проживает, так к нам вчера еще и дядька с теткой прикатили. Неспроста приехали, я им обещал, что вместе машину выбирать пойдем. Дядька у меня автослесарь, он в машинах здорово шарит. Его не проведешь.

– Ты же в салоне машину с завода брать собирался. Зачем же проверять?

– И что же, что с завода! Если с завода, то уже и дрянь подsunуть не могут, так, что ли?

Кажется, Петя был твердо уверен, что если его дядя сунет нос под капот нового автомобиля, то он сразу же просечет все неполадки и дефекты будущего приобретения. И еще Петя огорчался отсутствием премии больше остальных.

– Я дядю Сережу от его дел оторвал, приехать заставил. Сказал, что пойдем машину брать. А как ее брать, если денег нету? Дядька теперь решит, что я брехло.

– Пусть твой дядя Сережа машину посмотрит, а купить ты ее и в понедельник можешь. Уж не такой ажиотаж, чтобы в салоне тебе навстречу не пошли и не придержали бы понравившуюся машину на пару дней.

Но Петя все равно переживал. И так достал своими переживаниями полицейских, что они не знали, куда от парня и деваться. Со всеми этими проволочками и задержками время пролетело незаметно. Так как в ресторан подружки не попали, выйдя на улицу, они полной грудью вдохнули свежий морозный воздух, полюбовались кружащимися в темном небе тонкими снежинками и поняли, что не хотят ни в какой ресторан.

Вместо этого девушки купили горячего глинтвейна, взяли в «Елисеевском» коробочку необыкновенно крупной и мясистой черешни и заглянули в «Диету», где им приветливо и быстро порезали по двести граммов ветчины и сырокопченой грудинки, уложив всю эту вкуснятину в аккуратные контейнеры. С этими деликатесами девушки и оказались на лавочке в сквере под раскидистой липой, их старой знакомой. Девушки любили этот сквер в самом центре города. Тут было тихо и очень уютно, совсем не похоже, что дело происходит в центре. Подружки приходили сюда весной, когда из земли еще только пробивались первые робкие травинки и, словно капли талой воды, по газону были разбросаны первоцветы. Укрывались в тени деревьев от летнего зноя. Любовались отсюда наступившей золотой осенью. А зимой, когда выпал первый снег, внезапно поняли, что это место хорошо в любое время года.

Пожалуй, тут было даже лучше, чем в ресторане. Свежий воздух, легкий морозец, чистый белый снежок. А по части кавалеров, было бы желание, так их было еще больше. Прогуливались мимо подруг, поглядывали на них со значением, некоторые самые настырные даже пытались знакомиться, но подругам было не до них. Прихлебывая вино из стаканчиков, они пытались понять, кто же из их коллег мог быть инициатором ограбления.

– Потому что без наводчика точно дело не обошлось.

– И полиция того же мнения придерживается. Неспроста у всех наших алиби спрашивали.

– Если человек не круглый дурак вроде нашего Пети, то он сам на такое дело не отправится.

– Ага. Или алиби себе заранее обеспечит.

– Так что получается, что те, у кого алиби нет, это самые безвинные и есть. А те, у кого алиби, как говорится, комар носа не подточит, те, наоборот, самые подозрительные из всей компании. У нас с тобой алиби идеальное, могут нас с тобой по этому принципу в числе первых и заподозрить.

Внезапно Люба заметила, что подруга ее совершенно не слушает. Больше того, она увидела, как у Верочки в зубах застрял кусок ветчины и повис, словно она совсем забыла, зачем взяла его в рот. Взгляд у Верочки сделался осоловелый и какой-то ошарашенный. Она уставилась в одну точку и, кажется, даже забыла дышать.

Движимая любопытством Люба тоже обернулась в ту сторону, и дыхание у нее перехватило. Так вот что привлекло к себе внимание Верочки. Верней даже не что, а КТО! С противоположной стороны сквера к подругам приближались два ТАКИХ красавца, что даже на расстоянии можно было понять, что такие кавалеры каждый день не попадают. Оба высокие, оба блондины, оба с чистой, чуть тронутой загаром кожей, Наверное, недавно вернулись с какого-то дальнего курорта, и оба с дивными голубыми глазами. Разумеется, глаза подруги рассмотрели уже потом, а пока что они просто сидели и таращились, не в силах оторваться от этих двух высоких плечистых фигур.

– Какие шикарные! – прошептала Любочка, совсем не замечая, что пальцы рук у нее ослабели, стаканчик наклонился и красное вино капает на снег, оставляя на нем глубоким ямки с неровными краями.

Любочка была не в силах оторвать глаз. Высокие. Плечи широкие. Один чуть повыше и постройней. Другой чуть более в теле, но тоже выглядит отлично. А как они идут! Сразу видно, что эти двое знают себе цену. Идут, смеются, отсюда видно, как блестят у обоих белоснежные зубы. Нет, все те, кто до сих пор пытался знакомиться с подругами, и в подметки не годились этим двоим. А эти двое, да еще вечером в пятницу, просто какой-то подарок небес. Только бы его не проворонить!

Любочка хищно оглянулась по сторонам. Ага, соперницы на соседних лавочках не дремлют. Но надо их опередить. Любочка быстро поправила волосы, взбила мех на воротнике своей курточки, разгладила юбку, чтобы она падала максимально живописными складками, но при этом обнажала бы одно бедро. Юбка у Любочки была с разрезом, что позволяло демонстрировать левую нижнюю конечность с почти кинематографической откровенностью.

Если бы родители разглядели этот провоцирующий разрез, они бы Любу из дома в этой юбке даже не выпустили. И где-то были даже правы. Но Люба специально под этот разрез и ноги себе сначала в солярии, а потом автозагаром нарасила. Ну и что с того, что зима и колготки? Под колготками тоже должно быть все идеально. И кружевные трусики с этой же целью раздобыла. И сапоги на высоченной шпильке надела. Одним словом, пошла на немислимые жертвы ради этого разреза и теперь ожидала от него дивидендов.

Да, насчет себя Люба была уверена на все сто процентов. А как там обстоят дела у подруги? Не подведет?

Вера все еще сидела с куском ветчины, и это привело Любу в ужас.

– Верочка! – зашипела она. – Ветчина!

Верочка непонимающим взглядом посмотрела на нее. А потом мозг подруги заработал, ветчина быстро втянулась в рот, а сама Верочка судорожно заработала челюстями, стремясь прожевать огромный кусок как можно скорее. В этом Верочке было мало равных, она могла бы стать победительницей в шоу обжор. Но успеет ли она сейчас все зажевать?

– Верочка, быстрее! – волновалась за нее Люба. – Верочка, они уже идут! Они уже близко. Да выплюнь ты ее!

Но расстаться с разжеванным куском Верочка не могла даже ради потрясающих кавалеров, даже ради подруги, смотрящей на нее пронзительно-умоляющим взглядом.

Наконец Верочке удалось справиться с ветчиной. Она глотнула, откинулась на спинку скамейки и очень кстати разразилась веселым смехом. Мужчины как раз подходили. Услышав смех Верочки, они невольно притормозили. Мало было таких мужчин, кто мог пройти мимо, услышав звенящие колокольчики, которые щедро рассыпала сейчас Верочка вокруг себя.

– Ой, да что ты говоришь! Вот умора! Ха-ха-ха!

Средство было давно проверенное. Мужчины тут же пожелали узнать, что вызвало такой смех у очаровательной незнакомки. А потом поинтересовались, не могут ли они присоединиться к веселью.

– Да, конечно! – простодушно сказала Верочка. – Запросто!

Любочка чуть не зашипела от отчаяния. Что она делает? Учишь Верку, учишь, а она в самый неподходящий момент выдает такое. Разве можно так сразу соглашаться на поступившее от мужчины предложение? Нужно сначала помурьжить кавалеров хорошенько. Чтобы они в полной мере осознали выпавшее на их долю счастье. И даже тебя всю трясет от нетерпения и желания поскорей и поплотней познакомиться с этим мужчиной, ни в коем случае нельзя давать ему знать об этом.

А Верочка, словно забыв все уроки подруги, еще и добавила:

– Садитесь к нам на лавочку.

Люба чуть сознание не потеряла от злости. Садитесь! На лавочку! Еще вином их нашим угости! Хотя нет, вино уже выпито, и стаканчики пусты. Ну, тогда черешней угости. И еще ветчины... ветчины своей любимой не забудь им предложить!

Видимо, Верочка по простоте душевной именно так и собиралась поступить. Но поймав взгляд подруги, вовремя осеклась. А мужчины оказались довольно галантными и на дармовое угощение совсем не падкими.

– Что же нам с такими красивыми девушками просто на лавочке сидеть? Может, интереснее найдется место?

– Это какое же?

– Погода превосходная.

– Просто как на рождественских открытках, – рискнула заметить Любочка. – Знаете такие, где с неба светит луна, всюду снег, а двое влюбленных едут на санях.

– Так как насчет того, чтобы покататься на саночках?

Девушки молчали, потому что не придумали, как повывламываться, чтобы в итоге не остаться с носом. Погода и впрямь сегодня была чудесная. И это было тем более ценно, что уже очень долгое время осень никак не хотела уступать очередь зиме. Снег выпадал и почти сразу таял, оставляя после себя мерзость и грязь. Температура держалась где-то около ноля. Ночью еще был морозец, а днем все снова таяло и превращалось в грязное месиво. И вот сегодня ночью выпал снег, ударил мороз и наконец-то наступила настоящая зима. Фактически это был первый снежный зимний вечер.

– Мы с братом как раз собирались поехать в парк и прокатиться на санках. Не составите ли нам компанию?

Значит, они братья. И хотят покататься на саночках. Очень мило. И предлагают подруг покатать. Надо было соглашаться. Но оставалось выяснить один вопрос, не туристы ли эти двое. Иметь дело с иногородними Любочка не любила. Познакомишься, влюбишься, а он потом возьмет и уедет к себе. Может, и тебя с собой звать станет. Но уезжать куда-либо из Питера, из своего любимого города, пусть даже и к мужу, Любочка не планировала.

И она спросила:

– А вы откуда приехали?

– Что значит откуда? Мы здесь родились и живем. А это имеет значение?

– Нет, никакого, – соврала Любочка.

– Так что? Поедем?

И подружки согласились. Да, вот так взяли и согласились без всякого предварительно намеченного Любочкой выпендрежа и лишнего кокетства. И пусть Саша с Андреем, как представились братья, думают о них что хотят. Пусть даже думают, что они оба настолько неотразимы, что подружки просто не в силах были им отказать. Честно, это ведь так и есть. И пусть девушки согласились на продолжение знакомства, но как же им было поступить иначе, если дальше на лавочках сидело еще три десятка таких же вот соискательниц, только и ждущих, чтобы наброситься на добычу, если подружки лопухнутся и упустят сейчас свой счастливый шанс.

Позднее братья признавались подругам, что в тот первый вечер именно своим быстрым согласием они их и подкупили.

– А то бывают такие кривляки, которых упаришься, прежде чем куда-нибудь дозовешься.

– Но люди больше любят то, что им с трудом достается.

– Что такого особенного в том, что мы позвали вас покататься? Не замуж ведь мы вас за себя звали. Чего из-за ерунды-то ломаться?

Прогулка оказалась очень приятной. Молодые люди были сама любезность. Шампанское лилось рекой так же, как и другие напитки, и в итоге вечер закончился так, что подружки его не помнили. Очнулись они уже утром на другой день, каждая в своей кровати и в одиночестве. Жутчайшая головная боль говорила о том, что вечер вчера прошел на славу.

– Вот только почему я об этом ничего не помню?

Любочка пыталась вспомнить хоть что-нибудь, но воспоминания были отрывочными и хаотичными. Где-то они прерывались совершенно, и на их месте зияли настоящие черные дыры. Где-то отрывки воспоминаний позволяли краснеть. Например, Люба точно помнила, что какая-то удивительно похожая на нее девушка отплясывала топлес на танцполе. Но где находился этот самый танцпол? Любочка помнила светящиеся квадратики, по которым нужно было прыгать, что она вроде как и делала, а вокруг толпились восхищенные зрители, перемещающиеся между игровыми автоматами. Значит, это был не ночной клуб, а что-то вроде парка развлечений?

В комнату заглянула бабушка. Выглядела она сердито, хотя в уголках глаз у нее пряталась улыбка.

– Ну что, гулена? Как чувствовало сердце, не поехала на дачу с твоими родителями. Страшно представить, что бы тут было, заявишься ты вчера вечером домой, а тут никого!

– А что бы было, бабушка?

– Известно что. Красавец-то твой все глаза на меня выпучил, когда я из комнаты появилась. Ты ему, видать, наплела, что дома у тебя никого. Вот он на продолжение предновогоднего банкета и надеялся. А тут я! Долго он на меня глазел, я уж ему прямо так и сказала, не надейся, милоч, я не привидение, и в воздухе сама собой не расту. Тащи мою девку до ее кровати, а потом гуляй себе отсюда подальше.

– Что? Так и сказала?

– Чуток повежливей, – призналась бабушка. – Но смысл был этот самый.

Любочка ахнула:

– Бабушка!

– А что бабушка! Скажи спасибо, что я его вовсе мокрой тряпкой не отходила и с лестницы не спустила.

– Да за что же?

– А зачем он тебя напоил?

– Никто меня не поил. Я сама... напилась.

– Ах, сама... Ну, так я тогда тебя за эту твою самостоятельность и отхожу ремнем.

И бабушка впрямь вытащила из-за спины припрятанный там толстый армейский ремень, сохранившийся у папы со времен службы в армии.

– Самостоятельная какая! – сердилась бабушка. – И где это в мое время было видано, чтобы девки в пять утра бы домой возвращались, пьяные в зюю да еще и с кавалером под ручку! И тебе не стыдно?

– Стыдно.

– Он же тебя на себе тащил, – не унималась старушка. – Ты же на ногах стоять не могла. Он тут такое с тобой мог учинить, а потом в Сеть видео выложить. Думаешь, я не знаю, какие сейчас нравы у молодежи? Навсегда бы опозоренной оказалась!

– Бабушка, да он хороший.

– Все они хорошие, пока спят зубами к стенке. Вот вернутся завтра вечером родители, я уж им расскажу о твоих художествах.

И бабушка вышла, сердито хлопнув дверью. Впрочем, настроение у нее было больше показным, воспитательным, потому что уже через пять минут она принесла внучке поднос, на котором стояли две кружки. От одной поднимались в воздух мелкие лопающиеся пузырьки – это таяла в воде таблетка шипучего обезболивающего. А в другой кружке оказался крепкий чай с сахаром, долькой лимона и, как показалось Любочке, несколькими ложечками коньяка. От этих двух напитков, выпитых по очереди, терзавшая внутренности тянущая тошнота несколько отступила. И Любочка смогла позвонить подруге.

Но Верочка хоть и ответила на звонок, но ничего Любу не порадовала:

– Что вчера было? – спросила она у нее первым делом. – Ты хоть что-нибудь помнишь?

– Смутно. А ты?

– Вроде бы мы на крыше сидели.

– Где на крыше?

– Не помню. В центре. Но это точно была крыша, потому что под ногами у нас был весь город.

– А я помню какой-то танцпол.

– Ты там без лифчика танцевала.

– А почему я его сняла?

– Кто-то на тебя пиво пролил, всю тебя замочил, ты мокрые вещи с себя сняла, начала ими в воздухе махать, а потом с ними еще и отплясывать. Дескать, так они быстрее высохнут.

– И мне было не стыдно? Там же другие люди были!

– Люди уже потом появились. Сначала там тихо было, кроме нас, никого и не было. Народ потом набежал, когда ты ламбаду отплясывать подрядилась.

– Ой-ой!

– Но ты не переживай, юбка на тебе все же была. А твое ожерелье очень даже неплохо грудь прикрывало.

На Любе вчера и впрямь было ожерелье из семи слоев крупных натуральных камней. Ожерелье ей привезли родители из Вьетнама, оно было очень красивым, но изрядно увесистым и свисало от ключиц почти до пупка.

– Значит, спереди я все-таки была прикрыта.

– Когда стояла спокойно, то да.

– Слушай, а на санках мы с ними катались?

– Было такое. Но не очень долго, потом ты в сугроб свалилась. Мы тебя выкапывали и все здорово замерзли. Выпили, чтобы согреться, подействовало мало, мы еще выпили, и еще... А потом я помню плохо.

– А ребята как?

– Саша с Андреем? Они оба просто лапсики. Если что, тебе больше Андрей понравился.

– Но ты не помнишь, они нам свои телефоны оставили?

Этого Верочка не помнила. Она, надо сказать, вообще как-то больше помнила про Любу – танцы, падение в сугроб с санок, а вот про себя помалкивала, что заставляло Любу подозревать,

что Вера вчера еще и не такое отчебучивала. Во всяком случае, во время посещения места с бассейном кто-то очень похожий на Верочку в воде голяком точно купался.

– А как твои родители отнеслись?

– А как они могли отнестись? Мама расплакалась, когда меня увидела. А папа усадил Сашу пить водку и знакомиться.

Это была особенная черта Игоря Анатольевича. Он всех потенциальных зятьев, которые появлялись в его доме, первым делом усаживал за стол, утверждая, что как только появится тот, который сможет его перепить, то он тому тут же, ну или когда сможет нормально изъясняться, отдаст свою дочь замуж. Невозможно было от этого испытания отказаться или как-то уклониться. Игорь Анатольевич отказов просто не принимал.

– Хочешь с моей дочерью водиться – садись.

И когда жених садился, протягивал ему полную до краев рюмку и говорил:

– А теперь пей!

И несчастные женихи пили. И постепенно все валились под стол, потому что пока что перещеголять Игоря Анатольевича с его многолетней практикой не удавалось никому. Следовательно, и Верочка продолжала ходить в невестах.

Папа ее утешал:

– Не печалься, девонька, значит, не родился еще тот богатырь, которому я тебя, свое солнышко, отдам.

– Да? И когда он родится? Когда я уже старухой стану?

И вот этой ночью чудо все-таки произошло. Нашелся умелец, который каким-то чудом пересидел за столом Игоря Анатольевича.

– Мама говорит, что им с Сашей пришлось отнести папу на диван. Он ничего не соображал, кажется, даже не осознавал свой проигрыш. На всякий случай мама щелкнула их обоих на камеру, чтобы папа потом не говорил, что мы это все придумали. Я этот снимок видела, мама уже сбегала в фотомастерскую и все распечатала.

– И что там?

– Папа всю храпит на диване, видно, что он в полной отключке, а рядом стоит Саша. Лица не видно, он почему-то голову отвернул. Но стоит ровно. И даже не сказать, что он пил. Выглядит совсем трезвым.

– Значит, теперь ты можешь выйти замуж за Сашу?

– Да, осталось только его уговорить.

– А что было потом? Саша остался?

– Нет! Что ты! После состязания с папой Саша вызвал себе такси, пожелал маме доброго дня, уже светало, и уехал.

– А номер телефона оставил?

– Нет. Но мама сказала, что он обещал вернуться.

Бабушка тоже говорила Любе, что ее кавалер обещал вернуться. Но кто верит таким вот обещаниям? Был бы еще номер телефона, можно было бы позвонить, напомнить. А так... Где теперь искать вчерашних друзей? И на душе у Любочки стало тоскливо.

– А... А ты не помнишь, ребята... они где-то учатся? Или работают?

Верочке казалось, что учатся. Но где, она, хоть тресни, не могла вспомнить. А вот Любе, наоборот, казалось, что ребята уже отучились и теперь оба работают. Но где работают и кем, этого она тоже не припоминала.

В общем, как ни хорош был вчерашний вечер, помнили из него обе наши красавицы до обидного мало. И хуже всего было то, что утро субботнего дня никак не служило продолжением вчерашнего праздника. Было оно серым, хмурым и печальным. Но как ни обидно было девушкам, что они обе позорно вчера напились и, похоже, упустили своих щедрых, веселых и благородных кавалеров, самое худшее ждало их впереди.

Глава 3

Началось все со звонка Эммы Леонидовны. Был вечер субботы, когда обе подруги встретились дома у Любы и после установки новогодней елочки тихо-мирно попивали клюквенный морс из бабушкиных запасов. Девушки не переставали думать о своих вчерашних кавалерах. И потому каждая положила свой смартфончик в пределах видимости и слышимости, чтобы, не приведи бог, не пропустить заветный звонок. Но ни Саша, ни Андрей не звонили. Зато Любе позвонила их главный бухгалтер, что само по себе было делом очень странным и необычным. До сих пор девушки даже и не подозревали о том, что Эмма Леонидовна может знать номера их телефонов. А она вот знала. И позвонила.

– Любочка, – слабым голосом произнесла бухгалтер. – Милая, вы сейчас сильно заняты?

– Нет, совсем не занята.

– Тогда вы могли бы приехать ко мне прямо сейчас?

– Что-то случилось?

– Случилось, – призналась бухгалтер, но не сказала, что именно случилось.

Вместо этого она поинтересовалась, далеко ли Верочка. А когда узнала, что совсем рядом, очень обрадовалась и сказала необычайно тепло и душевно:

– Приезжайте, девочки, обе.

– А куда?

– А ко мне домой и приезжайте.

Продиктовала адрес и отключилась.

Закончив разговор, подруги переглянулись. Они чувствовали, что за этим приглашением кроется какая-то загадка.

– Ну что? Поедем?

– Придется. Это же Эмма Леонидовна. Ее обижать никак нельзя.

К тому же никаких других дел у подруг не намечалось. А просто сидеть и ждать, вернутся ли к ним, как и обещали, Саша с Андреем, было тягостно. Лучше уж поехать к Эмме Леонидовне, послушать, что ей от них нужно. Да и любопытно было подругам взглянуть на жилище бухгалтерши. Если она такая экономистка, может быть, у нее мебель из картона, занавески с барахолки, а коврики сплетены вручную из оберточных шпагатов? Вот бы посмотреть, как это выглядит! А то был в жизни Эммы Леонидовны такой период, когда она просила всех своих знакомых и сотрудников не выбрасывать, а собирать для нее все попадающиеся им на тортиках и пирожных симпатичные тесемочки, шпагатики и веревочки. Люба с Верой тоже принесли ей несколько разномастных шнурочков. Как знать, может быть, и они красуются в каком-нибудь узоре на коврике?

Но дома у Эммы Леонидовны все оказалось куда менее живописно. И мебель стандартная из ИКЕА, и занавески обычные, подруги такие в «Максидоме» видели. И вообще, совершенно обыденная обстановка, даже не понятно, куда подевались все выпрошенные и бережно собранные хозяйкой веревочки.

Спросить об этом у самой Эммы Леонидовны девушки не решились. Очень уж бледный и взволнованный был у нее вид. Несмотря на то что за последний год Эмма Леонидовна очень похорошела и даже вроде как помолодела, сейчас она вновь стала выглядеть на свои пятьдесят с солидным хвостиком. Волосы у нее вспотели и прилипли к вискам влажными прядями. Саму ее потряхивало. Она еле стояла на ногах, а по квартире передвигалась, держась за стены.

– Голова кружится.

– Что случилось? Приступ давления?

– Ах, нет, девочки! Хуже! Хотя, может, и давление, но не все ли теперь равно.

– А что случилось?

– Меня обокрали!

– Вас?

И подруги обвели изумленным взглядом аккуратно прибранную квартирку. Может, тут и не наблюдалось никакого эксклюзива по части хендмейд экологической продукции, зато было аккуратно и чисто. Так чисто, что девушки готовы были поклясться, никогда прежде им не доводилось быть в такой безупречно прибранной квартирке. Прямо-таки музейная или даже больничная чистота. Каждая вещь стояла на своем месте, идеально чистая, без следа пыли или мусора. Если ваза, то сверкающая и на салфеточке точно по центру. Если цветок, то с блестящими листьями, с землей, сверху прикрытой разноцветными шариками, чтобы ни одна песчинка, ни один камушек бы не выбился наружу и не испортил безупречный дизайн.

Единственное, что удивляло, так это полное отсутствие новогодней символики. Ничто в этих стенах не напоминало о приближении главного для россиян праздника года.

– Где же тут орудовали вору?

В представлении подруг квартирная кража обязательно сопровождалась перетряхиванием всего хозяйского имущества, выбрасыванием с полок всего малоценного и отбором, наоборот, ценного. А тут такое впечатление, что генеральная уборка закончилась непосредственно перед приходом подруг.

– Вы уже прибрали?

Эмма Леонидовна окончательно поникла головой и залепетала:

– Понимаю, что вокруг страшный кавардак. Стыдно принимать в таком бедламе гостей. Но у меня совершенно нет сил. Грубое вторжение в мое личное пространство выбило меня из колеи.

Кстати, насчет личного пространства. Эмма Леонидовна говорила, что живет одна. Но присутствие молодого мужчины в квартире все же наблюдалось. И это было очень дорогое присутствие. Французский мужской парфюм заметно потеснил на трюмо дамскую парфюмерию. Шелковый шарф изысканным узлом свернулся на плечиках. В коридоре стояли ботинки сорок четвертого размера из мягчайшей и тончайшей кожи. А в вазочке лежали элегантные мужские запонки из платины с крупными чистейшей воды изумрудами.

– Но что же украли? – спросила Любочка, посмотрев на запонки.

– Вещи! Вещи моего сына!

– Ценные?

– Очень!

– А где он сам?

– Уехал по делам в другой город, – быстро ответила Эмма Леонидовна и тут же прибавила: – Девочки, вы должны мне помочь.

Подруги удивились.

– Но чем мы вам поможем? Если вас обокрали, то это дело полиции.

– В полицию я обратиться не могу!

– Почему?

– Это долго объяснять.

Подруги переглянулись. Дело принимало все более и более странный оборот.

– Так что же мы можем для вас сделать?

– Вы обе умненькие, а у тебя, Верочка, еще и папа бывший милиционер, я слышала.

– Папа давно не служит.

– Да, да, я знаю, он у тебя в отставке.

– Папа теперь больше капустой на грядках интересуется. Да и когда служил, никогда расследованием уголовных преступлений лично не занимался. Он у меня по хозяйственной части.

– Но все равно, больше мне обратиться за помощью не к кому.

– А что вы хотите сделать?

– Найдите мне их! – внезапно страстно взмолилась бухгалтер. – Клянусь, я вам этого никогда не забуду! Все премии ваши будут! Невзирая на результаты вашей работы. Хотя вы обе умнички, мне о вас Татьяна Альбертовна только с лучшей стороны отзывается. Девочки, умоляю! Только вы можете мне помочь и найти их!

– Кого? Воров?

– И воров тоже, – кивнула Эмма Леонидовна. – Но если не получится, то и не надо. Главное, найдите вещи моего сына.

– Вы точно знаете, что у вас их украли? Или он, может быть, сам их забрал?

– Нет! Леня оставил эти вещи мне на хранение! И еще специально подчеркнул, чтобы я их берегла как зеницу ока! А я, глупая клуша, их проворонила! И как я теперь посмотрю в глаза моему сыну? Как скажу ему, что все его флешки пропали?

– Так у вас украли его флешки?

– Ну да. Леня написал ряд статей, которые хранились на флешках. Сначала они лежали у меня в сейфе на работе, а потом я принесла их домой. Как чувствовала, что в офисе стало небезопасно. Еще там на флешках были фотографии. Так Леня мне объяснил.

– И много их было, этих флешек?

– Две штучки.

– Сын отдал их вам вместе с фотокамерой?

– Ну да! Это случилось в понедельник утром. Сын отдал мне технику и сразу же уехал в командировку в другой город, свои координаты не оставил, а на меня сразу же посыпались неприятности. В ночь с понедельника на вторник сгорела наша дача. Пожарные говорят: короткое замыкание. Проводка была старенькая, но перед отъездом я в обязательном порядке отключала автомат. И я не понимаю, как проводка вдруг могла взять и заискрить. Во вторник я была вынуждена заниматься страховкой, мотаться по разным инстанциям и к следователю, потому что инспекторы заявили, будто бы дом вообще подожгли и что это сделала я или мой сын, чтобы получить страховку за дом. Я пыталась им объяснить, что этот дом мой отец чуть ли не собственноручно сколотил досочка к досочке, гвоздик к гвоздику, и что я ни за что в жизни не решилась бы променять этот дом ни на какой другой. Что там в каждой половине, в каждом винтике частичка моего папочки. Папа был гениальным математиком, но он любил и умел поработать руками. Говорил, что для него это лучший в мире отдых. Руки работают, голова свободна. Лучшие решения приходили ему именно за плотницкой работой. Я никогда не осмелилась бы предать память о папе. Но в отделении назвали это сентиментальной болтовней, а насчет дома сказали, что для столь ветхого строения он был застрахован на слишком большую сумму. На что я им резонно указала, что если бы уж дорогой моему сердцу дом оказался бы уничтожен, то я хотела бы в возмещение морального ущерба получить денежную компенсацию как можно солидней. Но они продолжали давить на меня, чтобы вынудить признаться, что это я или Леня подожгли дом. От следователя я вернулась в таком состоянии, что только в среду утром поняла, что случилась еще беда.

– А что за беда?

– В этой моей квартире побывали воры!

– В среду?

– Нет, скорее всего, это произошло еще во вторник. Меня целый день не было, вернулась поздно вечером и сразу легла спать, даже по сторонам не смотрела. Но весь вторник меня не было дома. Вот воры и воспользовались моим отсутствием.

– Погодите, хотите сказать, что флешки вашего сына пропали еще во вторник?

– Нет, в тот раз воры унесли всю технику из комнаты сына: компьютер, ноутбук и планшеты. Да, скорее всего, это случилось во вторник, но я поняла это только в среду утром, когда проснулась, зачем-то пошла в ту комнату и ахнула. Вся техника пропала.

– Он хранил свою технику у вас?

– Только на время отъезда. К его невесте приехала родня с детьми. И Леня боялся, как бы сорванцы не повредили дорогую технику.

– Возникает вопрос: может, эту технику забрал ваш сын?

– Как же он мог это сделать, если находится в другом городе?

– А он не мог вас обмануть? Сказал, что уезжает, а сам никуда не поехал.

Но Эмма Леонидовна отвергла это предположение категорически.

– У нас с Леней так не принято поступать, – высокомерно заявила она. – У сына никогда не было от меня тайн. Он всегда говорит мне правду. И потом, я точно знаю, что в квартире побывали посторонние.

– И почему?

Бухгалтер слегка порозовела.

– Мы с Леней очень похожи, но, в отличие от меня, мой сын не очень аккуратен. Нет, он не разбрасывает носки по комнате и не оставляет шкурки банана вперемешку с пеплом от сигарет, ничего такого. Но он несколько оторван от быта. Ему совсем не важно, если петля на дверце шкафа будет испорчена или если столешница окажется поцарапана. Нет ему дела до таких вещей. И поэтому верхняя полка в шкафу, на которой стоял ноутбук Лени, была сломана. Два задних крепления отсутствуют. Я давно предлагала сыну эту полку починить или вообще купить ему новый шкаф, но Леня упрямился и оставил все как есть. Он каким-то образом уравнивал полку, поставив ноутбук поближе. И если знать, то можно брать ноутбук без проблем. Но тот, кто его взял, всех этих тонкостей не знал. И она у него упала. Так что это не мог быть Леня. Мой сын взял бы ноут без проблем.

– Может, ваш сын просто впопыхах забыл все эти мелочи?

– Но Леня никогда не оставил бы полку валяться на полу. И еще я нашла на полу возле шкафа пятна крови. И одно из уцелевших креплений на полке тоже было в крови. И я поняла, что полка упала кому-то на ногу и здорово его хряснула. Ничего удивительного, в ней килограмма три-четыре. Если такая доска сверху рухнет, может и вовсе зашибить. К счастью, она всего лишь повредила грабителю ногу.

– Грабителю? Все-таки грабителю?

– Да! Потому что когда я обнаружила непорядок и поняла, что из комнаты Лени исчезла техника, я очень встревожилась. И первым делом побежала к консьержке.

– Не в полицию?

– Я обратилась к нашей консьержке, – повторила Эмма Леонидовна. – И она припомнила, что во вторник видела незнакомого мужчину, который вошел в дом нормальным, а уходил, сильно припадая на левую ногу. Также она обратила внимание, что мужчина пришел не с пустыми руками, у него на плече была сумка. В эту сумку мог поместиться не один ноутбук, а целый десяток! Я так Вале и сказала! И консьержка со мной согласилась. Но так как в остальном вид у того мужчины был достаточно приличный, консьержка решила, что это и впрямь монтер из кабельных сетей, как он ей и представился. К тому же на плече у него, кроме сумки, был моток кабеля, который затем исчез. Вале решила, что кабель исчез, потому что монтер сделал свою работу. Но вот этот самый кабель я обнаружила у нас на этаже возле мусоропровода! Грабитель просто использовал моток кабеля для отвода глаз, а когда тот стал ему не нужен, избавился от него. И он приходил в наш дом вовсе не для того, чтобы что-то здесь чинить. Он пришел ограбить мою квартиру, и он ее ограбил!

– И консьержка описала вам этого человека?

– Лучше! Она мне его показала!

– Как? Где?

– На посту у Вали постоянно ведется видеонаблюдение. Все входящие и выходящие попадают в поле зрения камеры. Валя вспомнила, что подозрительный персонаж появился около полудня, нашла место на записи и показала его мне.

– Он вам знаком?

– Вряд ли это мой знакомый, – с сомнением произнесла она. – Хотя сказать точно довольно трудно, этот тип хорошо замаскировался. Низко надвинутая шапка, которая закрывала сразу всю верхнюю половину лица. Потом борода, очки.

– Это мог быть ваш сын?

– Нет уж! Точно, что это был не Леня! Своего сына я узнаю из тысячи. Да что там из тысячи – из миллиона, из десятков миллионов, из сотен миллиардов!

Эмма Леонидовна вошла в раж, астрономические числа сыпались одно за другим. Когда счет пошел в единицах, какими измеряются размеры Галактики, пришлось ее перебить:

– Хорошо, хорошо, мы поняли. Но вы можете хоть что-нибудь сказать о личности грабителя? Высокий он был или низкий? Толстый или худой?

– А ни такой, ни такой. Он был средний. И рост, и комплекция – все среднее. Единственное, что в нем было примечательного, так это густая рыжая борода. Но она могла быть и фальшивой.

– А как же этот человек проник в вашу квартиру? Взломал замки?

– В том-то и дело, что нет! Замки были целы. И дверь тоже. Как я ни пыталась, не нашла никаких следов повреждений. Даже замочную скважину осмотрела с лупой – ни единой свежей царапины.

– Да вы прямо сыщик!

– Приходится.

– У вас пропадали ключи?

– Не припомню. Но сын мог потерять. Как всякий гений, в быту Леня удивительно рассеян.

– Значит, вы сами осматривали дверь, – задумчиво произнесла Любочка. – Сами начали расследование. А почему вы не обратились в полицию?

– Что они могут! – отмахнулась Эмма Леонидовна. – Ничего они не могут.

Но подругам показалось, что дело в чем-то другом.

– Ладно, а у вас есть подозрения, кто мог быть этим грабителем?

– Нет. Ни малейших.

– А у вашего сына?

– Я же вам говорила, Леня сейчас в другом городе.

– Где совсем нет связи? Вы не можете ему позвонить?

– Сын предупредил меня, что это весьма отдаленное место, где со связью могут быть проблемы. Я пыталась ему дозвониться, но пока что безрезультатно.

Интересно, что за место такое? Где сейчас Леня? В открытом океане дрейфует на плоту?

– Значит, до сына вы не дозвонились. В полицию не обратились. Но что-то же вы приняли?

– Да. Я обратилась в частное детективное агентство. Они взяли у меня аванс, несколько раз звонили с какими-то ничего не стоящими отчетами, а потом выставили мне счет на кругленькую сумму за якобы произведенные ими действия. Оплата труда трех работников, транспортные и служебные издержки. Сумма получилась внушительной. Разумеется, я отказалась платить за воздух. Они же ровным счетом ничего не сделали! Ни ноутбук не нашли, ни планшеты, ни самого грабителя.

– И это все происшествия, которые с вами случились?

– Если бы!

– А что еще?

– Всю среду я была в смятении. Вечером мне было даже страшно идти к себе домой, и я поехала к своей приятельнице. Она одинока, квартира у нее большая, материальных трудностей нет, она нигде не работает и порядочно скучает. Так что она постоянно зовет меня к себе в гости, чтобы развеять скуку, и тут я решила принять ее предложение.

– И что же случилось там?

– Сначала все шло хорошо. Мы с ней посидели, поболтали, выпили немножко и легли спать. Так вот, когда в четверг утром я вышла от моей приятельницы и двинулась в сторону центра, чтобы ехать на работу, у меня украли сумку. Какой-то мальчишка просто сорвал ее с моего плеча и был таков!

– Безобразие!

– И больше того, у меня сложилось ощущение, что этот пацан поджидал именно меня. Моя подруга вышла на балкон, чтобы помахать мне вслед, и она говорит, что видела, как этот негодник выскочил из кустов, где просидел в засаде в ожидании меня. И как только я вышла из подъезда, он рванул ко мне.

– Это было в четверг?

– А уже в пятницу наш офис потрясла новость о краже. И произошла она, судя по всему, в ночь с четверга на пятницу. И теперь я думаю, а звенья ли это одной цепи?

– Пожар на вашей даче, кража ноутбука и планшета вашего сына, похищение сумки и ограбление офиса «Планктона»?

– На первый взгляд все это вещи, между собой никак не связанные. Если не считать, что они все произошли со мной, ничто больше их не связывает. Но что, если такая связь есть?

– У вас есть предположение?

– Я не могу быть до конца уверена, – задумчиво произнесла Эмма Леонидовна. – Но что, если все дело в пропавших флешках и хранящейся на них информации?

– Вы говорите о тех, которые были у вашего сына?

– Да! Разумеется!

– Просто пропали два комплекта флешек.

– На тех, что пропали вместе с деньгами из нашего офиса, ничего стоящего не было, – отмахнулась Эмма Леонидовна. – Бухгалтерские документы, многие из которых вообще были за прошлые годы. Ничего, представляющего интерес, на этих флешках не было и быть не могло. Мне это известно лучше, чем кому-либо другому.

– А на тех, что оставил ваш сын?

– Вот тут дело другое! Леня буквально умолял меня беречь эти флешки. Беречь как зеницу ока. Сказал, что это очень важно. И что есть люди, которые бы не пожалели отдать за эту информацию все на свете.

– Даже так!

– А теперь флешки Лени пропали!

– Что же вы их не спрятали надежнее?

– Я даже очень хорошо их спрятала! – обиделась Эмма Леонидовна. – Ни одной живой душе не пришло бы в голову искать их там, где я их спрятала.

– И где же?

– На кладбище.

– Где? – изумились девушки.

– Теперь это уже не представляет никакой тайны. Я спрятала флешки в могиле.

Подруги почувствовали, как холодеют.

– Ч-ч-ч... чьей могиле?

– Валентинки. Нашей дальней родственницы. Она умерла и была похоронена.

– Ох, примите наши соболезнования.

– Валентине было девяносто девять. И окружающие вздохнули только с облегчением, когда она наконец отчалила. Все последние годы она стала сущим кошмаром для близких. С головой у нее было неладно, но старуха она была властная, привыкла всех держать в ежовых рукавицах. Сын у нее давно умер. Внук тоже. Остались правнуки, но они оказались удивительно порядочными ребятами. Другие бы уже давно нашли способ оформить опеку над полумумной бабкой и ее имуществом, а они все терпели. Валентина постоянно угрожала лишить их наследства, но, как я понимаю, угрозы своей не выполнила. Ребятам за их кротость и терпение причитается приличное наследство. И вот в этот четверг как раз были ее похороны.

– И вы поехали?

– Прямо из офиса. Родственница же, хоть и дальняя. Я решила, что съезжу на кладбище, постою у могилки, а на поминки не поеду. Ничего хорошего я вспомнить о Валентине не могла, да и никто бы не мог.

– И вы закопали флешки в свежую могилу?

– Нет.

– Под венками спрятали?

– Нет.

– А где же тогда?

– Рядом была другая могилка. Она была такая старая и неухоженная! Сразу видно, что близкие туда давно не ходят. Вот я и решила, надежней тайника для всяких мелочей вроде моих флешек и не сыщешь.

– И сунули их в могилку?

– Да. Положила под камешек.

– Там же снег! Разве можно флешки в снег класть! Они от влаги могут испортиться.

– Во-первых, тогда снега еще почти не было.

– Но он выпал!

– А во-вторых, я очень заботливо обернула флешки в несколько слоев в стрейч, чтобы ни влага, ни снег не попали, и положила в земельку к какому-то Коле. Фамилии не помню. Умер в 1999 году. В дате три девятки, поэтому я легко запомнила.

– Кто-нибудь это видел? Ваши манипуляции с чужой могилкой?

– Никто не видел.

– А родственники, друзья, знакомые вашей Валентины? Вы же на похоронах не одна были.

– Все они к тому времени уже ушли.

– Могильщики?

– Говорю же, все уже ушли.

– Все равно кто-нибудь мог обернуться и заметить, как вы возитесь у соседней могилы.

– Весь процесс занял у меня несколько секунд. Я сделала вид, что удручена горем и просила оставить меня одну ненадолго. Мне кажется, родственники решили, что я хочу напоследок высказать покойнице все, что не решалась сказать ей при жизни, благо что теперь она ничего не сможет мне ответить. Но мне все равно, пусть думают что хотят. Так вот, флешки я убрала, камешек поправила, так что ничего не было заметно. И все эти дни была совершенно спокойна за безопасность Лениных флешек. Но когда сегодня утром мы с Васей – это мой двоюродный брат – поехали навестить могилку Валентины, я усала Васю за цветами, а сама сунулась к тому камешку.

– Под снегом его было непросто найти.

– Но я нашла! И представьте себе, под камнем уже ничего не было!

– А вы уверены, что это был тот самый камень, а не какой-то другой? Под снегом их легко спутать.

– Камень там был один. И под ним я сделала свой тайник. Я думаю, что флешки украли прямо в четверг днем или вечером.

– Почему?

– Потому что ночью выпал снег.

Подруги смотрели на Эмму Леонидовну, ожидая пояснений.

– Так вот, еще до того как в ночь с четверга на пятницу во всем городе выпал снег, кто-то нашел мой тайник и забрал из него флешки. Снег на могиле Коли, когда мы сегодня туда приехали, был не поврежден, но флешек там уже не было. Значит, вывод из этого какой?

– Флешки забрали еще до снегопада.

– То есть в четверг днем или, самое позднее, во второй половине дня.

– Но кто мог это сделать?

– Вот и я думаю – кто?

– У родственников этого Коли внезапно проснулись чувства к усопшему?

– Могли бы в таком случае не только мои флешки забрать, но и могилу хоть немножко привести в порядок. Но нет, там как все было неухоженное, так и осталось.

– Сотрудник кладбища случайно перевернул камень? Сторож или кто-то в этом роде?

– Я спрашивала. Пошла в администрацию, сказала, что готова заплатить вознаграждение и даже деньги и свой номер телефона оставила в дирекции, обещая заплатить еще. Но вот уже вечер, а никто из сотрудников так и не откликнулся на мое предложение. А оно было щедрым.

– Насколько щедрым?

– Очень щедрым!

– Но все-таки насколько? Можете назвать сумму?

Подруги настаивали, памятуя о всегдашней бережливости бухгалтерши. Но она назвала точную цифру своего вознаграждения – пять тысяч, и у подруг отвисли челюсти. Отдать пять тысяч для Эммы было все равно что для иного человека расстаться с пятью миллионами.

– Сколько же там было флешек?

– Две. Одна черненькая, другая беленькая.

– За две флешки – это более чем щедро.

– Я знаю. Но я была в панике. Думаете, эти люди решили, что можно стясти с меня еще больше? И теперь они меня маринуют? А потом позвонят и потребуют в два раза больше?

В голосе Эммы Леонидовны слышалась надежда. Видимо, ее и впрямь сильно прихватило, если она, скряга из всех известных скряг, просто мечтает, чтобы кто-нибудь попросил у нее еще больше денег. Да для Эммы Леонидовны отдать пять тысяч из своего кармана было все равно что иному отдать пятьдесят или даже пятьсот тысяч. Женщина, которая трясется над каждым рубликом, вдруг легко и без всяких гарантий расшвыривает пяти тысячные бумажки перед могильщиками. Это могло говорить очень о многом. Но о чем именно?

И все же во всем этом рассказанном Эммой Леонидовной было что-то очень странное, отчего подруги вдруг занервничали. Хотя, казалось бы, с чего им нервничать? Эта история их лично напрямую никак не касалась. Это проблема бухгалтера и ее сына, а никак не их. И вот, поди же ты, девушки теперь сидели и переживали.

Глава 4

И все было именно так вплоть до той злополучной минуты, когда Верочка вдруг нарушила молчание и спросила у Эммы Леонидовны:

– Так и что же вы хотите от нас?

– Найдите их!

– Кого?

– Флешки!

Сказано это было с таким надрывом, что подруги даже оторопели.

– Как это найдите?

– Вы это серьезно?

– Умоляю!

– Эмма Леонидовна, да мы и не против. Но что мы можем сделать?

– Девочки, я чувствую, что за всеми этими пожарами, кражами и ограблениями стоит один и тот же человек. Тот, от кого убежал мой сын!

– Вы же говорили, что ваш сын в командировке.

– Он уехал, верно. Уехал отчасти по делам, а отчасти потому, что боялся за свою жизнь.

Дело становилось все увлекательней и увлекательней.

– Лене угрожали какие-то люди, – продолжала Эмма Леонидовна. – Он был вынужден уехать. Командировка – это только предлог, чтобы исчезнуть из города.

– Кто ему угрожал? И почему?

– Подробности не знаю, Леня мне толком ничего не объяснил. Но я так поняла, что он с коллегами-журналистами готовил серию разоблачительных материалов по поводу одного очень крупного чиновника. В чем именно был замешан этот человек, я даже не догадываюсь. Леня ни за что не хотел мне этого говорить. Но он сказал, что если это будет опубликовано, то произведет эффект взрыва, от которого многие нынешние руководители полетят со своих постов.

Подруги поежились. Им совсем не хотелось впутываться в такое серьезное дело. Где они, а где большие руководители. Девушкам бы со своим собственным руководителем Павлом Семеновичем сработаться, где уж там за чужими гоняться.

Но Эмма Леонидовна продолжала рассказывать:

– Работали они вчетвером – Леня и трое его помощников. И в ночь перед своим отъездом Леня был страшно напуган. Он сказал, что одного из их журналисткой группы уже убили. Другого поколотили, но он вроде жив, хотя и находится сейчас в больнице. А еще одну девушку похитили, судьба ее неизвестна. И что из них четверых он остался один и чувствует, что за ним тоже скоро придут.

– И после этого он сбежал?

– Да.

– Не скажете куда?

– Я не знаю. А если бы и знала, то никогда не сказала. Поймите меня правильно, девочки, сын у меня один. Я отдала его воспитанию всю свою жизнь, так что рисковать им я не могу.

– Но если эти злодеи охотились за информацией, которая была на флешках вашего сына, и они же охотились за флешками, то теперь и флешки, и информация уже у них.

– И вашему Лене ничего больше не угрожает.

– Ох, если я была в этом так уверена, – тоскливо вздохнула Эмма Леонидовна. – Поэтому я и прошу вас помочь.

– Вы бы обратились лучше в полицию.

– Не могу. Леня предупреждал меня, что в полицию обращаться ни в коем случае нельзя. Полиция у этого чиновника подкуплена. И поэтому я туда не пойду. Вместо полиции мне можете вы!

– Но что мы можем? Мы ничего не можем! Мы же не сыщики. У нас даже юридического образования нет.

– Да что там образование, – отмахнулась бухгалтер. – Я сама выучилась на экономиста, уже имея стаж десять лет. Главное – практика, опыт. Вы все освоите. Я в вас верю.

Подруги переглянулись. Вот уж прилетело им, так прилетело.

А потом Люба отрицательно покачала головой:

– Нет, Эмма Леонидовна, мы вынуждены отказаться.

– Мы не можем делать того, чего не умеем.

Бухгалтер какое-то время молчала, сосредоточенно глядя на обеих девушек. Вид у нее был задумчивый.

А потом она сказала:

– Если я не ошибаюсь, то вам обеим нравится ваша работа?

– Нравится.

– И вы хотели бы продолжать? И может быть, даже получить в следующем году повышение?

– Хотели бы, конечно.

– Так я могу вам все это обеспечить.

Верочка заколебалась. Но Люба твердо знала, что соглашаться нельзя.

– Нет, мы не возьмемся за дело, к которому даже не представляем, как и подступиться.

– Не хотелось бы вам этого говорить, – медленно произнесла женщина, – но я могу не только помочь вам с повышением. Я также могу и заметно осложнить вашу жизнь. Могу даже сделать так, что вас уволят. Уволят по статье!

– Эмма Леонидовна! Вы этого не сделаете!

– Сделаю! – воскликнула женщина. – Еще как сделаю! Потому что я хочу спасти своего сына, а вы не хотите мне в этом помочь!

– Да мы согласны вам помочь. Но мы не знаем, как именно!

– А я вам объясню! – обрадовалась бухгалтер. – Я вам все расскажу, мои девочки. Главное, вы мне скажите, вы согласны?

И что оставалось делать запуганным и деморализованным девушкам? Им и жалко было Эмму Леонидовну, и сочувствовали они ей, и расстроить ее еще больше опасались. И подруги кивнули. Очень робко и неуверенно, но они все же кивнули, а значит, дали согласие на участие в расследовании.

Как же обрадовалась Эмма Леонидовна.

– Спасибо вам, девочки! – воскликнула она, порывисто кидаясь обнимать подруг. – Я бы и сама все сделала, но я дама крупная, приметная. А вы маленькие, незаметные, в любую дырочку можете прошмыгнуть, никто на вас и внимания не обратит.

Комплимент был сомнительного свойства, но подруги решили не обижаться.

– Что нам надо сделать?

– Слушайте, с чего, я думаю, надо будет начать. Вся эта кутерьма с ограблением нашего офиса, кражей моей сумки, пожаром на даче и квартирной кражей – все это звенья одной цепи. И тем людям, которые действовали, были нужны не деньги и не техника, они надеялись разыскать флешки, которые сын отдал мне и которые я спрятала на кладбище.

– В чужой могилке.

– Флешки искали эти злодеи у нас на даче. Небось зажгли свет во всем доме разом, вот старая проводка и не выдержала. Случился пожар. Потом злодеи перебрались ко мне домой, забрали ноутбук Лени, но нужной информации в нем не оказалось. Тогда они решили, что

стоит поискать у меня в сумке. Украли сумку, ничего интересного в ней не нашли и в ночь на пятницу заявились уже прямо к нам в офис.

– Здорово их припекло, если они даже в офис забрались и сейф отважились ограбить.

– Нет, что-то не складывается.

И Любочка покачала головой.

– Что не складывается?

– Сами посудите, если флешки из могилы Коли злодеи забрали еще в четверг днем, зачем же им было уже ночью лезть в офис «Планктона»?

– Значит, они рассчитывали, что я прячу еще какие-то носители. И хотели убедиться, что все чисто.

Такое могло быть. И Любочка замолчала. А Эмма Леонидовна смогла продолжить.

– Так вот, – сказала она, – если предположить, что вся эта кутерьма – это поиск флешек, значит, охота за ними началась еще раньше. С того момента, когда пострадал первый из четверки журналистов!

– Предлагаете нам расследовать его убийство?

– Не расследовать, а выяснить подробности. Сама я светиться в отделении опасаясь, боюсь, что мой интерес может повредить Лене. Вдруг у того чиновника действительно все в полиции подкуплены. Ну а вы лица незаинтересованные, Лене так и вовсе посторонние. Вас не заподозрят в знакомстве с ним. Вы должны будете поехать и выяснить, как продвигается расследование. Может быть, убийцу уже поймали, и тогда Лене смело можно будет возвращаться.

– Вы же говорили, что Леня с товарищами готовил разоблачительные статьи на одного крупного чиновника. Вряд ли такая шишка станет сам бегать с пистолетом в руках, грабить офисы, похищать девушек или тем более красть у женщин их сумки.

– Да, это верно. У этого человека были исполнители.

– И если даже одного исполнителя поймали, могут существовать еще десять или даже двадцать человек. И даже если их поймают, то можно нанять новых. Пока не будет схвачен главный виновник, вашему сыну будет грозить опасность и возвращаться домой ему пока что никак нельзя.

– Все равно вы хоть что-нибудь да выясните.

Ну, с этим подруги должны были согласиться.

– А информация на флешках вашего сына находилась в единственном экземпляре?

– Конечно.

– Или копии разоблачительных статей были у всех четырех?

– Нет, не думаю. Мой Леня был руководителем журналистской группы. Прочие находились у него в подчинении. Сеня Грачев, о его убийстве я говорила. Потом Иван Черкашин, он отделался травмами. И наконец, Женечка Кораблева, которую похитили неизвестные люди и судьба которой остается неясной. Вот те трое, кто работал с моим сыном. Но статьи писал сам Леня, трое коллег ему только помогали, добывали информацию.

И засветились. И пострадали первыми. А сынок Леня успел слинять, пока его коллег мочили, избивали и похищали. И никто его не осуждает. Понятное дело, своя рубашка всегда ближе к телу. Что-то сынок бухгалтерши нравился подругам все меньше и меньше. Втравил своих коллег в историю, подвел их, так что одного убили, другого избивали, третью невесту куда умыкнули, а сам слинял и в кустах надеется отсидеться. Гад какой-то получается этот Леня!

– Если бы информация просочилась в прессу, – продолжала рассуждать Эмма Леонидовна, не подозревающая о чувствах подруг, – вспыхнул такой скандал – мало никому бы не показалось.

– А значит, – подхватила Верочка, – либо флешки находятся у человека, в них совсем ничего не смыслящего, возможно, он даже давно их отформатировал, а на чистые флешки записал какую-нибудь музыку или фильмы. Или же информация вернулась к заказчику, и тогда

вроде как тоже волноваться не стоит. Спустя какое-то время заказчик забудет о Лене, и ваш сын сможет вернуться.

Верочка все еще надеялась, что удастся отговорить Эмму Леонидовну от расследования, удастся заставить ее утихнуть. Хоть бы уж она отвязалась от Верочки с Любочкой! А то свалилась им со своими требованиями как снег на голову. И что подругам делать?

Но Эмма Леонидовна не позволила им соскочить.

– Не уверена, что все пойдет так гладко. А если этот заказчик человек злопамятный? И еще осторожный? Пусть флешек у Лени больше нет, но голова-то есть. Леня может воссоздать весь текст статей, у него уникальная память. Все, что он прочел раз, он запоминает навсегда.

С такими способностями мог бы найти себе профессию и посерьезней. Как поняли подруги, столь восхваляемый матерью Леня работал в каком-то крохотном интернет-издании, которое даже офиса своего собственного не имело. Корреспондентская братия кочевала по квартирам друг друга, радуясь, если им удавалось задержаться на одном месте дольше чем на неделю.

– Леня мой – это мозг! Он с детства мечтал прославиться. И он обязательно прославится! Способности у него удивительные, это я вам не как мать говорю, а как независимый эксперт.

– Но заказчик может и не знать о таких способностях вашего сына. Он может решить, флешки уничтожены, журналисты запуганы или убиты, можно расслабиться и забыть об этой истории.

Подруги изо всех сил старались успокоить Эмму Леонидовну, памятуя, что от этого зависит и их собственное спокойствие. Но та успокаиваться не желала, совсем наоборот.

– Но этот человек также может и не захотеть оставлять опасность у себя за спиной. Зачем ему нужно, если спустя несколько лет, когда он поднимется еще выше по служебной лестнице, какой-то там журналист из независимого издания вновь захочет напечатать про него серию разоблачений? Нет, оставлять в живых Ленью никак нельзя, вот что он думает! Но я должна спасти сына. Должна! И вы мне в этом поможете!

– Как?

– Вернете мне флешки!

– Если мы вернем вам эти флешки, как это поможет вам спасти Ленью?

– Тогда я обращусь к этому человеку и скажу ему, что гарантирую молчание Лени в обмен на его жизнь и безопасность.

– А флешки отдадите заказчику?

– Ни в коем случае! Обе флешки и хранящаяся на них информация послужат гарантом того, что Леня останется жив. Главное, на этот раз спрятать их надежно.

– Вы один раз их уже прошляпили. Где гарантия, что и во второй раз не случится того же?

– Нет, теперь я буду умней. Вы, девочки, только раздобудьте мне эти флешки. А как их спрятать, я уже теперь знаю.

Так и получилось, что вместо субботнего отдыха и развлечений подругам предстояло ехать в отделение полиции, которое расследовало убийство Сени Грачева – самого неудачливого из трех товарищей журналистов и бывшего коллеги сыночка Эммы Леонидовны.

Надо сказать, что и сама бухгалтерша дома не осталась, отправилась вместе с подружками. То ли потому, что не вполне им доверяла и боялась, что иначе они свернут с намеченного пути, ее попросту обманут и, вместо того чтобы ехать и расследовать, отправятся домой или займутся другими делами. То ли и впрямь для того, чтобы подсказать и оберегать. Так или иначе, но она довела подруг почти до самого отделения и осталась стоять снаружи, наблюдая за тем, как девушки скрылись в дверях здания.

Только тут в крохотном тамбуре между двумя входными дверями девушки обрели возможность спокойно поговорить и обсудить ситуацию, в которую угодили.

– Тебе не кажется, что это какая-то глупость? – нерешительно произнесла Верочка.

- Но ты же видишь, Эмма в отчаянии.
- Вижу.
- Если откажемся ей помогать, она может нам навредить.
- Как же нам быть?
- Сделаем вид, что помогаем ей!
- Ну... хорошо, сделаем. Все равно ничего у нас не получится!

На этой оптимистической ноте девушки перешагнули порог отделения и сразу же увидели юного ангела, спускающегося по лестнице им навстречу. Несмотря на то что ангелов принято изображать светловолосыми, у этого кудри были черные и вьющиеся. И было что-то в его лице шельмовское и угарное, что просто не могло не привлечь к себе женского взгляда. Проходя мимо подруг, он внезапно подмигнул им черным колдовским взглядом, отчего у Верочки вдруг часто-часто застучало сердце, дыхание перехватило, а к щекам прилила горячая волна. Тот факт, что ангел двигался под конвоем из двух сотрудников и на руках у него красовались наручники, остался для Верочки как-то за кадром. Весь экран ее сознания занимали два темных глаза – манящих омота.

Любочка отнеслась к появлению этого чуда куда равнодушной. Красота падшего ангела если и была ею отмечена, то лишь краем сознания. Саму Любочку куда больше заинтересовал дежурный, к которому она и обратилась со словами:

- Извините, с кем я могу поговорить по поводу Сени Грачева?
- А вы ему кто?

– Я его невеста и хотела бы знать, как продвигается расследование обстоятельств убийства моего любимого человека.

Подруги еще раньше решили давить на жалость. Вклиниться в расследование официальным путем у них шансов не было. Ни на адвокатов, ни тем более на следователей или даже оперативников они не тянули. А никому другому в тайну следствия пути не было. Но ведь в нашей необъятной стране имеется столько всяких обходных путей и тропинок, и не перечесть их всех. Если нельзя пройти прямо официальным путем, то всегда можно зайти в обход. Если нельзя получить справку официальным путем, можно попытаться воздействовать на человеческие чувства. А у хорошеньких и молоденьких девушек это получается просто идеально.

Любочка пустила слезу, дежурный посмотрел на нее с сочувствием. Сердобольный такой человек оказался. А вот темноволосый ангел, которого еще раньше заприметила Верочка, тоже услышал слова Любы и взглянул на рыдающую девушку с удивлением и, пожалуй что, с интересом.

– А не многовато ли невест для одного доходяги? – хмыкнул он себе под нос, но Верочка услышала и насторожилась.

Но спросить ничего у темноволосого она не успела, тот получил от сопровождающего тычок в спину и выскочил из отделения, как пробка из бутылки. Верочка посмотрела ему вслед с разочарованием. Ей бы очень хотелось, чтобы их встреча не осталась случайной. И даже наручники и конвой, который она наконец-таки разглядела, не умерили этого ее желания.

Между тем дежурный объяснил Любочке, что расследованием интересующего ее дела занимается следователь Трифонов. И что ей повезло, сегодня он как раз находится в отделении, и она может поговорить с ним, если пройдет в седьмой кабинет.

- Только я с подружкой. Ничего, если она со мной ходит?

Дежурный заверил, что ему все равно. А вот как посмотрит следователь, это еще неизвестно, потому что Трифонов у них человек крутого нрава.

- Если ему что не по вкусу придется, вы об этом сразу узнаете, – пообещал он Любочке.

Несмотря на угрожающее обещание, следователь Трифонов подругам даже понравился. Невысокого роста, лет сорока, на лбу залысинки. Но зато одет аккуратно, глаза умные, а взгляд проницательный.

– Невеста? – как-то даже с радостью приветствовал он Любочку. – Потерпевшего Грачева? А кто это с вами?

– Подружка.

– И тоже невеста Грачева, так сказать, по совместительству?

– Нет, – пробормотала Любочка, которую порядком смутил тон следователя. – Почему вы так говорите?

– Потому что, уважаемая девушка, вы уже третья невеста господина Грачева, которую я выпроваживаю из этого вот кабинета за сегодняшний день.

– Но я...

– Так что либо вы говорите мне правду, либо убирайтесь.

Любочка растерялась. Правду? Но говорить всю правду никак нельзя. Что же делать?

– Ладно, я вам скажу. Мы с Сеней коллеги.

– Так, это уже лучше. И где же вы с ним работали?

– В интернет-издании.

– Так, уже кое-что. Предыдущие невесты все в один голос утверждали, что Грачев – безработный.

И не успела Любочка обдумать хорошенько эти слова, как следователь уже спросил у нее:

– И что же вас привело ко мне?

– Мне кажется, я знаю, почему убили Сеню!

– Да? И почему?

– Он работал в нашем издании над статьей, которая могла привести к разоблачениям одного очень высокопоставленного чиновника. Тот о статье и готовящихся против него разоблачениях узнал и...

Любочка сделала выразительную паузу. Но следователь отчего-то ею не впечатлился.

– И что? – спросил он.

– И Сеню убили! – с досадой воскликнула Любочка. – Чиновник заказал убийство Сени! Трифонов сперва недоверчиво воззрился на Любочку.

А потом спросил:

– Хотите сказать, что по приказу этого человека ваш Грачев с помощью подкупленного им крановщика забрался на балкон квартиры своей подруги, которая на тот момент являлась еще и супругой гражданина Бобрыкина, с целью установления с ней плотского контакта третьей наивысшей степени. По стечению обстоятельств гражданин Бобрыкин как раз в этот момент явился к своей супруге в комнату и очень удивился, увидев вплывающую на балкон мужскую физиономию и маячащий рядом с ним букет цветов. По своей натуре гражданин Бобрыкин человек горячий, он сразу же подумал плохое и кинулся в атаку. Грачев подобного поворота событий не ожидал, он испугался, то ли дернулся, то ли просто подался назад, равновесия не удержал и рухнул с двенадцатого этажа.

И пока подруги слушали, разинув рты, следователь уточнил:

– Так что? Ваш чиновник заказывал именно падение с двенадцатого этажа? Потому что в противном случае он может потребовать от исполнителя свои деньги назад.

Любочка чувствовала себя очень сильно не в своей тарелке. На заказное убийство этот случай никак не походил. И следователь ей пытался втолковать то же самое.

Но Любочка все же решила уточнить:

– Намекаете мне, что смерть Грачева – несчастный случай?

– Я бы сказал, закономерность. Судя по опросу свидетелей, Грачев был редкостным Дон Жуаном, и появление в квартире очередной избранницы с помощью какого-нибудь подручного подъемного средства было его излюбленным приемом. Раньше ему эти проделки сходили с рук, дамы впечатлялись и становились легкой добычей, но в этот раз Грачеву просто не повезло.

Муж вернулся с работы... в общем, все как в известном анекдоте с той разницей, что закончилось все плохо.

– Но Сеня не единственная жертва в нашем издательстве! – нашла Любочка. – Кроме него пострадали еще двое журналистов!

– И кто же они такие?

– Иван Черкашин и Женечка Кораблева.

– Тоже ваши коллеги?

– Да.

– В таком случае снимаю перед вами шляпу. Вы информированы куда лучше меня самого и всех прочих друзей и родных пострадавшего Грачева.

– Что это значит?

– До вас никто из них даже не упомянул при мне о трагедиях с этими двумя молодыми людьми. Почему так? И я делаю вывод, что никто, кроме вас, об этих случаях не знает.

– Очень может быть. Дело касалось сотрудников нашего издания. Другие знакомые Грачева об этих несчастьях могут и не знать.

– А почему никто из вашего интернет-портала не пришел ко мне, не позвонил?

– Просто другие не увязали эти три случая между собой, вот и не стали вам надоедать. Вообще не подумали, что здесь может быть связь.

И увлекшись, Люба добавила:

– И еще это потому случилось, что мои коллеги не знали, что трое ребят работали над одной и той же статьей. Вот поэтому они и сочли, что каждый несчастный случай произошел сам по себе. А что случились они фактически одновременно – это совпадение. А это не совпадение. Всех троих хотели запугать, убить или похитить.

– И кто?

– Человек, которому была посвящена статья.

– И кто он?

– Имени его я не знаю.

Следователь Трифонов нахмурился:

– А раз не знаете, то и нечего тут меня путать. Не знаю, кем вам приходился потерпевший, но обстоятельства его смерти говорят сами за себя. Нет ни малейшей причины подозревать в его убийстве кого-то третьего. Он пытался залезть к чужой женщине в койку и был остановлен ее мужем. Последний действовал жестко, но был в своем праве.

– Ну а вдруг это все было подстроено? Вдруг этому Бобрыкину заплатили, чтобы он скинул Сеню?

– Он его не скидывал. Грачев упал сам. Что касается Бобрыкина, то он мог вообще не говорить, что пытался схватить Грачева. Мог сказать, что у того просто закружилась голова, что он сам потерял равновесие и упал. Никто бы не доказал противного.

– Зачем же Бобрыкин оговорил себя?

– Представьте себе, есть еще в этом мире честные люди. Бобрыкин был потрясен смертью Грачева, считал себя в какой-то мере ответственным за эту трагедию и теперь хочет, чтобы суд вынес по его делу справедливое решение. А жить с нечистой совестью он не может.

Любе такая непоколебимая честность некоего Бобрыкина показалась довольно странным делом. Вообще, человеческие чувства – вещь весьма пластичная, способная меняться в зависимости от времени, места и обстоятельств.

Взять, к примеру, Аню, родную сестру Любочки. Аня от всей души ненавидела и при каждом удобном случае поливала грязью и всеми видами помоев семью своего мужа, его мать, его отца и его старшего брата. Кто-то скажет: известная история, ненавидеть свекра со свекровью дело вполне обычное и закономерное. И Аня лишь следовала общей тенденции. Но так

было ровно до тех пор, пока родственники мужа прозябали в далекой глубинке, на нищенские пенсии и пособие по инвалидности старшего брата. А потом случилось чудо.

Инвалида брата удалось пристроить в «Красный крест», который и помог вывезти его на лечение в Германию, где тому сделали несколько операций. Потом ему дали вид на жительство, квартиру, приличное пособие, оплатили сиделку и домработницу, а также ежемесячно выдавали всякие приятные мелочи вроде денег на проезд и питание в больничной клинике во время прохождения всех процедур. Разумеется, брат, который скучал на чужбине, очень скоро попросил прибыть к нему мать и отца, которые и сами были на инвалидности. И что удивительно, это получилось. И мать с отцом также получили от доброго немецкого правительства квартиру, даже еще лучше, чем у брата, пособие, лечение и все такое прочее приятное и желанное. Чудеса, скажете? А я вам отвечу, чудеса, да и только.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.